понедельник среда пятница

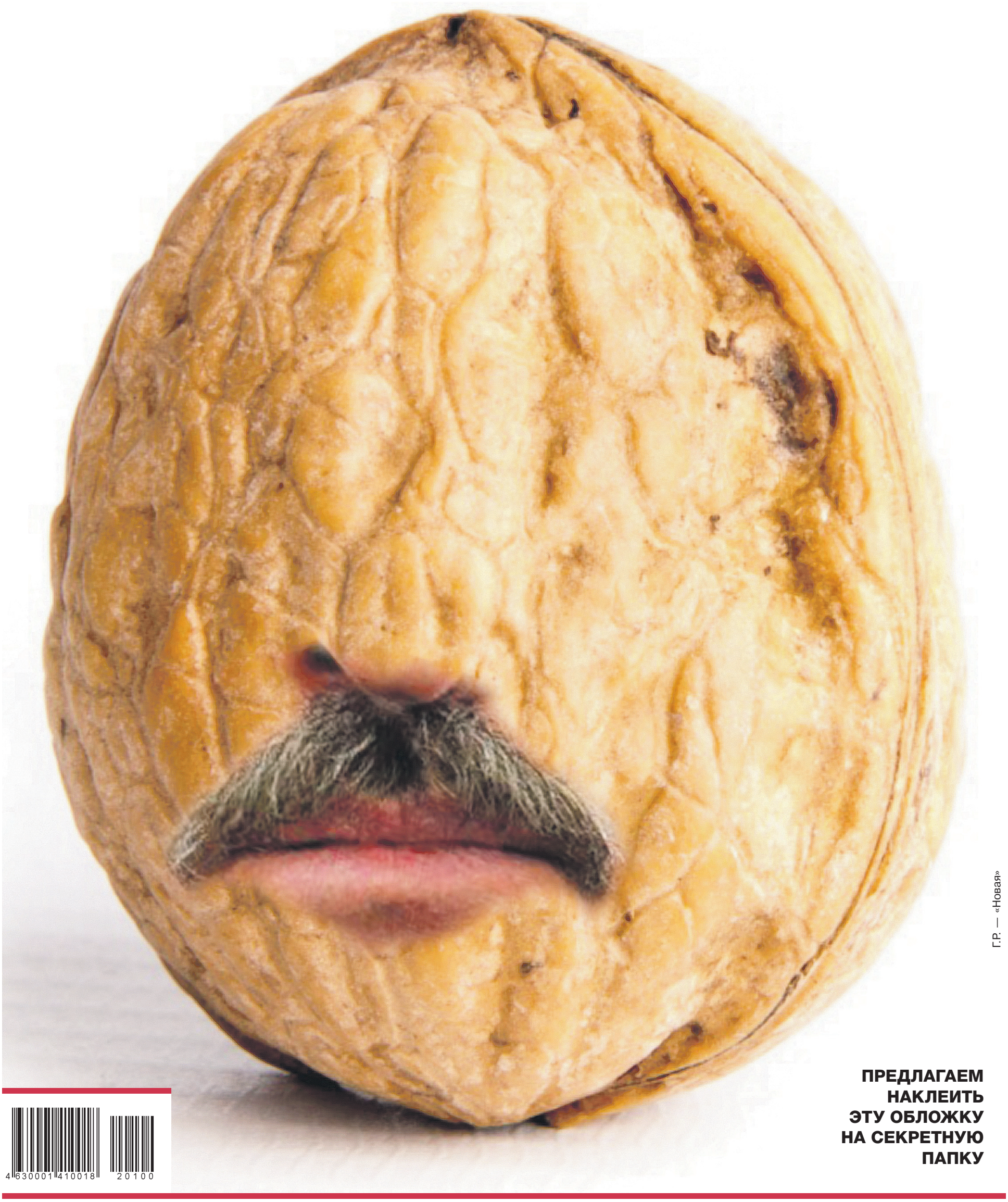
Новая газета

№ 100 (3110) 14.09.2020 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

НА ЗАПЛАНИРОВАННОЙ СЕГОДНЯ ВСТРЕЧЕ С ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ ЛУКАШЕНКО СОБИРАЕТСЯ ВСЕРЬЕЗ ПРЕДЪЯВИТЬ ВТОРУЮ ЧАСТЬ КОМИЧЕСКОГО «ПЕРЕХВАТА» РАЗГОВОРА ИНОСТРАННЫХ СПЕЦСЛУЖБ, КОТОРЫЕ УВАЖИТЕЛЬНО НАЗЫВАЮТ ЕГО

«КРЕПКИЙ ОРЕШЕК»



Г.Р. — «Новая»

ПРЕДЛАГАЕМ НАКЛЕИТЬ ЭТУ ОБЛОЖКУ НА СЕКРЕТНУЮ ПАПКУ

4 630001 410018 20100

Все попытки отмазаться от отравления Алексея Навального разбиваются о всего лишь один вопрос: почему не возбуждено уголовное дело?

АРГУМЕНТЫ ПАХНУТ ЯДОМ

EPA

Госпитализация политика Алексея Навального в аэропорту Омска. Одного этого кадра с видео достаточно, чтобы закончить доследственную проверку и возбудить уголовное дело

Обстоятельства отравления Алексея Навального все усерднее топятся в бессмысленном (на первый взгляд) информационном соре: бесчисленные обидки чиновников МИДа, идеи о создании каких-то врачебных и парламентских комиссий, запросы о правовой помощи, основания для которых более чем сомнительны, интервью медиков, экспертов и «экспертов», политологов, вопли пропагандистов...

Но цель у этой пыльной бури все же есть: канализировать общественный резонанс таким образом, чтобы не касаться главного вопроса (второго по значимости после состояния здоровья Алексея): а где, собственно, уголовное дело?

Если взять этот вопрос за точку отсчета, то многое станет понятным и логичным — с точки зрения российского государства, ушедшего в глухую оборону на международной арене и в большей степени работающего на внутреннюю аудиторию.

Внутренней аудитории ожидаемо рассказывают о русофобии, очернительстве и нежелании сотрудничать. Часть населения этому верит, другая обсуждает очередной пассаж от Захаровой, Пескова или Небензи. И мало кто замечает суть.

МИД обижается на то, что немцы ничего ему не рассказывают и делятся результатами анализов с британцами. Но при чем тут МИД — он разве заменяет в России следственные органы, Минюст и Минздрав, чтобы требовать удовлетворения собственного любопытства?

Пациент находится в германской клинике, врачи которой имеют полное право привлечь того, кого захотят, — с одобрения родственников пациента и самого Алексея Навального. Разрешения МИДа России для того абсолютно не требуется, а на просьбы представить данные медицинских исследований немецким врачам остается ответить только одно: запрашивайте в Омске, там все равно не умеют хранить врачебную тайну.

Немцы отдали материалы в ОЗХО... И должны были это сделать, соблюдая международные договоренности, раз заподозрили использование боевого отравляющего вещества. Россия к этой процедуре в принципе не имеет никакого отношения — за исключением необходимости ответить на неприятные вопросы, которые будут заданы в свое время, согласно протоколу деятельности Организации по запрещению химического оружия.

Еще одна шумная претензия: немцы не удовлетворяют российский запрос о правовой помощи.

Не удовлетворяют, потому что с правовой точки зрения корректно сделать это вряд ли могут. В рамках чего им отвечать?

Уголовного дела-то нет. А значит, нет потерпевших, подозреваемых, свидетелей, нет документов следствия, официальных экспертиз и протоколов допросов. Нет ни-че-го, что европейцами могло бы рассматриваться в серьезной правовой плоскости.

А понятие «доследственная проверка» — всего лишь юридический нонсенс, механизм, который широко используется в России, да и то — с одной-единственной целью: не возбуждать уголовные дела, когда не хочется. Ссылка на проверку в состоянии ввести в заблуждение только юридически безграмотных лиц.

Здесь потопчемся, чтобы объясниться.

Суть доследственной проверки в том, чтобы определить: есть ли в произошедших событиях признаки того или иного преступления.

Именно признаки — ничего больше.

Если они есть, то возбуждается уголовное дело и уже следствие разбирается: было ли событие преступления, если да, то каковы его мотивы, что является орудием преступления и каков круг подозреваемых. Если же ничего такого нет, а произошел, допустим, несчастный случай, то производство по делу прекращается. И прекращается следствием.

Еще раз: все это — задачи следствия, а вовсе не атавизма советской эпохи под названием доследственная проверка.

Почему? Да просто потому, что, согласно российскому закону, все добытое в рамках этой самой проверки никаким доказательством не является. Допросов нет, есть только объяснения лиц, которые не предупреждаются о даче заведомо ложных показаний, им даже не приходят повестки, и поэтому они могут не только отказаться отвечать на поставленные вопросы, но и просто плюнуть на приглашение следователя.

Точно так же не имеют статуса доказательств любые документы, исследования, экспертизы, результаты ОРМ.

Так что нет никакого смысла (разве что ради имитации деятельности) сотрудникам транспортной полиции восстанавливать график передвижения Навального в Томске, как о том с воодушевлением докладывают. Следствию все наработанное, по существу, оформлять придется заново — уже тогда, когда следы будут с особым усердием уничтожены временем или преступниками.

Не случайно на доследственную проверку отводится всего 3 дня, максимум — 10 (и это оформляется отдельным постановлением начальника следственного органа), в самых запущенных случаях — плюс еще 30 дней, когда приходится, например, копаться в Монблане бухгалтерской макулатуры.

Навальный был отравлен 20 августа. 3 дня прошло, прошло и 10. Где постановление о возбуждении уголовного дела или об отказе в том?

Ничего такого нет. Есть только «глубокая озабоченность» администрации президента и МИДа тем, что немцы так и не представили доказательства отравления.

Только немцы не ведут расследования. Говорить о доказательствах или об их отсутствии должно российское следствие. Которого нет.

И это — первая мина, на которой подорвалась официальная позиция российского государства.

Теперь о мине второй, которая и вовсе стала причиной самоподрыва.

Нет в Уголовном кодексе статьи «отравление». Есть «убийство» и «покушение на убийство». Это — подследственность СК, который на протяжении всей истории с «резким ухудшением здоровья» Навального сидит как мышь под веником. Говорят: не наше дело.

Отдувается МВД. А значит, полицейская проверка должна всего лишь решить: возбуждать ли дело по статье о причинении (легкого, среднего, тяжкого) вреда здоровью.

И что тут проверять? Вред здоровью не отрицают даже омские врачи, заявление родственников есть, косвенных признаков — публикации, экспертные мнения, заявления российских чиновников — полно.

Никто не доказал, что было отравление? Так того от полиции не требуется и требоваться не может, согласно закону: нашли бы признаки покушения на убийство — давно бы все материалы отправили в СК.

А факт причинения вреда здоровью доказывать не надо, он просто есть. Допустим, Навальный стал жертвой дураков-хулиганов или съел что-нибудь не то — не важно, признаки преступления налицо.

А вот в чем причина «ухудшения здоровья», как раз и устанавливает следствие, которое имеет право изъять медицинские документы, под протокол допросить врачей, назначить необходимые экспертизы. И если виновником оказался не человек с «Новичком», а повар из шаурминной, то ему все равно должно быть предъявлено обвинение.

Но вместо того, чтобы возбудить уголовное дело, МВД сетует на то, что активистка Марина Певчих, сопровождавшая Навального в злополучной поездке, уехала в Англию и никак не разыскивается. А она кто — свидетель, подозреваемая, потерпевшая? В рамках доследственной проверки у нее нет процессуального статуса, чего бы ей не уехать в Англию и оттуда не замечать титанических усилий МВД по своему поиску.

У Навального тоже нет процессуального статуса, потому и требования МВД к немецким властям допустить их до опроса больного человека можно списать лишь на юридическую безграмотность. В России Навальный не признан потерпевшим — какие такие опросы...

Чем все закончится? Представляется так. Время проведения доследственной проверки будут затягивать максимально, то принимая постановления о продлении сроков, то отменяя их по требованию вступившей в игру прокуратуры, чтоб вновь продлить, а потом отменить.

В итоге, когда, как представляется людям, принимающим решения, закончится ажиотаж, тихонько будет вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела со ссылкой на «отсутствие объективных признаков преступления».

Не учтено лишь одно обстоятельство: ничего не забудется, потому что российское государство ухитрилось с особым цинизмом несколько раз подорваться на собственном неуклюжем вранье.

Сергей СОКОЛОВ,
«Новая»

Сергей МОСТОВЩИКОВ — «Новая»

64-й день народных протестов в Хабаровске

ПРОТЕСТ НОМЕР 64

Хождение за справедливостью по Дальнему Востоку. Репортаж Сергея МОСТОВЩИКОВА

64-й день народных протестов в Хабаровске, бунтующем из-за ареста губернатора Сергея Фургала, должен был получиться не таким, как предыдущие 63 дня ненависти к начальству. Горожанам впервые разрешили собраться официально, и не просто чтобы покричать что попало, а провести на площади Ленина перед Домом правительства настоящий митинг, то есть мероприятие с мегафоном, выступающими и бунтарскими речами.

Слухи накануне ходили разные: непонятно было, кто именно договаривался об этом с начальством, о чем именно и главное — зачем? 63 раза обходились и без этого малодушия — сложилась даже традиция, культурный, можно сказать, феномен, настоящий запрещенный народный ритуал, смысл которого, как это часто бывает в России, не совсем ясен, зато сила непостижима, а значит — могущественна. Каждый вечер группа из наиболее стойких смутьянов, человек может быть двадцать или тридцать, собирается у Дома правительства, минут пятнадцать кричит на несколько горящих в нем окон и идет. Идет обойти центральную часть Хабаровска с требованиями, немыслимыми и неосуществимыми в современной России. Через час с небольшим группа возвращается на площадь, как бы замкнув вокруг постылого здания ничтожности бытия мистический знак народной веры в величие сознания.

Люди на протест собираются разные. Приходит Оля, которая когда-то работала в прокуратуре. Оля беспокоится за внука Илюшу, которого расселяли из барака, но не выделили квартиру, а было положено. Обязательно бывает Борис, бывший бизнесмен, летописец событий, он записывает видео на телефон. Борис с фантазией: он придумал перечень из сорока новых преступлений Фургала, чтобы показать абсурдность обвинений в том, что арестованный губернатор в свое время организовывал убийства людей. Борис говорит, что Сергей Иванович также убил Кеннеди, утопил Муму и велел во все школьные булочки вставить сосиски. Также приходит чеченка Мадина, разорившаяся владелица салона красоты на 150 квадратных метров. Александр, который утверждает, что добрался сюда из московской области автостопом за 15 суток, чтобы лично участвовать в протестах, но теперь у него заканчиваются деньги и надо что-то решать. Кристина, Евгений и Антон — все они с телефонами на специальных палках, ведут какие-то стримы, тик-токи и блоги, отвечают в режиме онлайн на вопросы и приветствия интересующихся Россиян в каком-то прямом эфире, благо теперь их столько, что руки не пропихнуть. Но у этой группы энтузиастов получается — они пропихивают. И идут.

Сергей МОСТОВЩИКОВ — «Новая»

Митинг перед домом правительства

Идут за Фургала. Говорят о нем между собой как о сверхъестественной сущности, способной упорядочить мир, хотя на всех портретах у Сергея Ивановича почему-то довольно растерянное выражение лица. Может быть, потому, что он хороший человек, вырос в голоде и нищете, младшим из десяти детей в большой семье. Когда он вырос, сразу пошел за народ, против жуликов и воров. Ничего не боялся, поднялся высоко, но остался простым: дома держал трех кошечек и трех собачек, которых подобрал с улицы, все делал с сердцем, все для людей. Обвинение в убийствах, грубый арест и увоз Фургала в Москву каждый воспринимает здесь как личное оскорбление.

Каждый вечер люди несут это оскорбление по городу — 6600 шагов. Сначала — к патрульной машине ГИБДД, откуда через громкоговоритель для порядка звучат запреты шествий и просьбы уйти с проезжей части. Потом — по улице Муравьева-Амурского до Комсомольской площади, ко второй машине с мигалками и формальными сообщениями о незаконности акции. Дальше — вниз по Тургенева до улицы Ленина, налево до площади Блюхера и поворота на улицу Пушкина. Здесь на перекрестке протестующих всегда встречает старушка Ниловна с портретом Фургала. У старушки группа протестующих останавливается, чтобы обнять ее и поцеловать: старушку любят и называют «бабушкой нашего протеста». Молодежь верит, что бабушку действительно зовут Ниловна. Старшее поколение в этот момент ненадолго отвлекается от русских протестов на русскую литературу и ссылается на роман Горького «Мать» — из классики и прозвище старушки. Но задерживаться некогда, надо вернуться на площадь Ленина и не забыть про лозунги.

Обычно протестующие кричат про сакральность схваченного и плененного губернатора: «Я/мы Сергей Фургал», «Верните нам Фургала», «На Фургала край рот не разевай», но лидером по популярности, как и положено, всегда становится президент России Путин. «Путин — вор» — самое лаконичное о нем высказывание. Обычно протестующие не скупятся на слова и выражения. «Лучшая поправка — Путина в отставку», «Путин, выпей чаю — Хабаровск угощает».

О нынешнем исполняющем обязанности губернатора Хабаровского края Михаиле Дегтяреве кричать у протестующих не особенно принято. Максимум, чего он удостаивается, — речовки «Дегтярева — в баню» и разговоров о том, что он трус, поскольку ни разу так и не вышел к протестующим: спросить, чего им надо. Рассказывают еще слухи, что он успел уже надоесть даже горничным в роскошной гостинице «Парус», где якобы поселился: все время, мол, курит сигары, все задымил.

Но дым от воображаемых импортных сигар Дегтярева не способен затуманить ясность реального русского протеста. По субботам к группе энтузиастов присоединяются тысячи хабаровчан и так называемый Фургаломобиль, который возглавляет огромную колонну горожан с флагами и самодельными плакатами. Из динамиков звучит Цой и песни о несгибаемости Дальнего Востока. Эта идея держится уже 63 дня, выстояла она и в 64-й раз, хотя, несмотря на разрешенный митинг, народу собралось не так уж и много, видели здесь и по 50 тысяч человек, а теперь не набралось и половины площади.

На митинг времени протестующие тоже много тратить не стали. Потребовав вернуть Фургала и посадить Путина, несгибаемые дальневосточники отправились привычным маршрутом, ногами вытаптывая границу, условную линию, за которой когда-нибудь начнется новая жизнь и взойдет солнце свободы, а криком вызывая дух справедливости, украденный, проданный и поруганный чужими, нездешними людьми.

Глядя им вслед, многие прохожие, праздные горожане, спрашивали друг друга, сколько это еще продлится и изменит ли вообще хоть что-нибудь, если учесть к тому же, что дух и границы охраняются государством, а оно не обращает на бессмысленные ритуалы своего народа ровным счетом никакого внимания. Вот пойдут дожди, выпадут снега — что станется тогда с русской мечтой?

Таким прохожим следует узнать историю Антона из Биробиджана, который не так давно присоединился к русскому протесту. Чем-то он оказался то ли болен, то ли не в себе. Парень вроде взрослый, 22 года, а что говорит — не понять ни одного слова. Ему тогда посоветовали купить себе мегафон. Антон оказался не дурак, съездил в магазин, купил себе красный за три с половиной тысячи. Начал по вечерам практиковаться протестовать против сложившихся порядков. Стало громко, но еще более непонятно. «Не торопись, — посоветовали ему опытные смутьяны, — дыши спокойно и уверенно». И что вы думаете? Ходит теперь Антон из Биробиджана на протесты каждый день и очень четко у него выходит: «Это наш край» и «Путин — вор».

Не торопитесь. Это всего лишь протест номер 64.

«Показания» по «делу Фургала» дал очевидец и участник хабаровских событий 2004–2005 годов. Вопросы ему задавала «Новая», а не Следственный комитет

«О ЗАКАЗНЫХ УБИЙСТВАХ ЗНАЮ НЕ ПОНАСЛЫШКЕ»

СК, который вроде бы стремится установить истину, к этому человеку не обращался. Нас собеседник попросил не публиковать его имени (редакции оно известно). Но сказал, что и на вопросы следствия ответит, если зададут. В «Новую» наш собеседник обратился сам, прочитав интервью одного из очевидцев событий в Хабаровске начала 2000-х (тот, напомним, рассказывал о гибели Евгения Зори, убийство которого теперь вменяют Фургалу). Смысл письма сводился к тому, что «все было не так». Автор утверждал, что не только наблюдал за событиями, но и в некоторых участвовал. Мы предложили ему рассказать о том, что он знает о Хабаровске 2004–2005 годов — когда экс-губернатор Сергей Фургал, если верить следствию, все проблемы решал с помощью киллера и мощного админресурса.

— Кем вы были в те годы, каков был ваш круг общения в Хабаровске?

— В 2004–2005 годах, когда произошли убийства, которые теперь связывают с Фургалом, я был директором одного из заводов в Хабаровске.

— И с Фургалом вы были знакомы?

— Да, мы были знакомы лично. Не могу сказать, что мы друзья, но мы давно на ты. С Тимохой *(Михаил Тимофеев, хабаровский авторитетный предприниматель. — **И. Т.**)*, которого упоминают в связи с теми убийствами, тоже доводилось общаться, более того — у меня был с ним однажды бизнес-конфликт. Он ничем не закончился, но заставил меня собрать максимальную информацию об этом деятеле. Короче говоря, обо всем, что происходило в хабаровском бизнесе, я знаю не понаслышке. В том числе и о заказных убийствах, потому что на бизнес они так или иначе влияли.

— А что именно происходило?

— 2004-й и часть 2005 года — это было, пожалуй, самое кровавое время в истории города. Шла война бывшего «ответственного за Хабаровск», официально объявленного ворами «негодяем» и «ментом» Юры Краба с комсомольским общаком, некогда поставившим его на этот пост. Бывали периоды, когда сообщения о заказных убийствах или покушениях появлялись в новостях чуть ли не каждую неделю. Происшествия были знаковыми. Версий и свидетелей событий хватало. А я в то время получал инсайды с разных сторон. У меня были друзья как в руководстве тогдашних органов, так и на противоположной стороне. Может, это меня и не красит, но один из моих школьных друзей был смотрящим по одному из районов в Хабаровске. Как говорят сейчас — «от общака».

Только давайте сразу договоримся о терминах. Слово «общак» применительно к названию группировки тогда не использовалось. Это ментовский термин. Его ввела в оборот милиция и подхватили журналисты. А в нашем крае их всегда называли «комсомольскими»: комсомольские воры, комсомольская братва и так далее. А общак, воровская казна, есть в любом воровском сообществе.

— Считается, что после «лихих 90-х» все это закончилось.

— Вам надо понимать, что представлял собой Хабаровск того времени. Город, конечно, немаленький, 600 тысяч населения. Но тех, кто там как-то крутится, становится чиновниками, ментами, бандитами, теми и другими одновременно, серьезным бизнесом занимается, — их, грубо говоря, тысяч пять. Приезжих издалека и чего-то при этом добившихся практически нет, поэтому в той или иной степени все или знают друг друга, или при необходимости без особых проблем находят нужные связи.

Этим Хабаровск в те годы отличался от Владивостока: у нас все решали местные, чужих старались никуда не пускать. Поэтому, кстати, люди так впряглись за Фургала: он наш, местный. И поэтому у нас так не любили Шпорта (*Вячеслав Шпорт, губернатор Хабаровского края с 2009 по 2018 год. — **И. Т.***): это человек, который после Ишаева (*Игорь Ишаев, губернатор Хабаровского края с 1991 по 2009 год. — **И. Т.***) распахнул ворота москвичам. Я имею в виду не жителей Москвы, а московский бизнес, московских политиков.

— В 2004–2005 годах Шпорт не был губернатором.

— Но тогда Путин уже отменил губернаторские выборы, поэтому Ишаев сидел тихо, как мышь. И уже тогда в край пошли москвичи. А во Владивостоке всегда было много приезжих, и там, чуть что, все вопросы решались сразу стрельбой.

— А в Хабаровске не так решались?

— В бизнесе — по-другому. Еще со времен Пуделя, когда он был смотрящим по городу от «комсомольских», у нас сначала разговаривали (*Пудель — Владимир Податев, в прошлом авторитетный предприниматель, ныне представляется как писатель и глава Союза казаков России и Зарубежья. — **И. Т.***). А если отстреливали, так только авторитетов.

— Подождите. Вы сами назвали эти годы самым кровавым периодом в жизни города, с ежедневными заказными убийствами. Это не было «решение вопросов»?

— Волна убийств 2004–2005 годов не была связана с бизнесом. Она была связана с войной «комсомольских» с Крабом (*с 2001 по 2004 год — «ответственный» за Хабаровск от «комсомольских» Юрий Масленников был ворами низложен. — **И. Т.***).

Анвар ГАЛЕЕВ / ТАСС
Сергей Фургал

ИТАР-ТАСС
Вячеслав Шпорт

— В переписке вы рассказали, что в Хабаровске бизнесмены в 1990-х не платили дань. Мне в это трудно поверить.

— К концу 1990-х действительно уже не платили. Раньше, конечно, бывало. Но к началу века все, кто что-то из себя представлял, более-менее друг друга знали, и в случае необходимости, в случае «наезда» каждый мог привлечь каких-либо «серьезных людей». В принципе, рэкет как способ зарабатывания денег для «общака» практически заглох со времен Соседа (*авторитет Сергей Меркумьянцев, считался смотрящим по Хабаровску в конце 1990-х, в 2001-м убит. — **И. Т.***). Тот был за коммерциализацию бизнеса. Воры сами полезли в бизнес, стали соучредителями компаний, некоторые вопросы пошли решать, как это ни странно звучит, в суды. Если кто-то кому-то и платил, то это были уже отношения между бизнесменами, а не между бизнесменом и вором. Воры уже не брали деньги с бизнеса, а, наоборот, предлагали бизнесу деньги.

— Инвестировали?

— Зря смеетесь. Им надо было как-то отмывать общак. Поэтому мне смешно слышать, что о Фургале сейчас говорят: мол, все, что связано с ресурсами, — лес, металл и так далее, — это обязательно все под мафией.

— А нет? Не под мафией?

— Чушь. То есть как: да — у «комсомольских» были интересы и в лесе, и в металле, и так далее. Но это не значит, что они давали кому-то «входной билет» в бизнес.

— Как в этот бизнес попал Фургал? Он ведь не был для Хабаровска своим, он вообще из соседнего региона приехал.

— Поэтому он и завел бизнес не сразу и не сам, а вместе с Мистрюковым (*Николай Мистрюков, партнер Сергея Фургала с 2001 года, арестован по обвинению в убийствах 2004–2005 годов осенью 2019-го, дал показания против Фургала, по версии сторонников экс-губернатора — под давлением. — **И. Т.***). Фургал в те годы не входил даже в первую десятку бизнесменов, занимавшихся металлом. Тем более не относился к местным авторитетам. Версия о том, что он мог заказать кого-то, например — Евгения Зорю, за проигранный в суде железнодорожный тупик, очень смешная.

— Как человек приезжий, вчерашний доктор и «челнок», в этом непростом бизнесе Фургал очень быстро поднялся.

— Знаете, чем он взял? Он открыл не просто скупку, а сеть скупок. Насчет того, что бизнес непростой: металлом тогда кто только не занимался, — а ему начали в разные его точки тащить какой-то краденый кабель и так далее. Он никого не грабил, ни у кого не отжимал, а взял количеством. К тому же он активно вкладывался в транспорт для перевозок.

ИТАР-ТАСС

Виктор Ишаев

Ведомости / ТАСС

— Но убийства-то были. Независимо от роли Фургала гибель Романа Сандалова была связана именно со скупкой металла. Убийца известен, подробности тоже.

— Да-да, это была довольно нашумевшая история. И фамилия Фургала тогда уже упоминалась.

— Именно. Иначе с чего бы гибели обычного деревенского парня в те годы становиться «нашумевшей историей».

— Шла, как я уже сказал, бандитская война, поэтому любая история «с огнестрелом» привлекала особое внимание. В другое время убийство Романа Сандалова могли бы не заметить, а тут оно обсуждалось довольно широко.

— Потому что убийца, Журавлев, работал у Фургала водителем.

— Этого парня, Сандалова, реально жалко. Но у нас об этом тогда говорили однозначно: эксцесс исполнителя. Знаете, помимо бичей, которые где-то воруют какой-то кабель, у нас было еще много мелких коммерсантов. Накопит такой денег, купит себе японский грузовичок с крановой установкой. Называли их «воровайками». И вот покупает бизнесмен такую воровайку, если побогаче — еще и газорезку, и начинает искать, что где плохо лежит. Именно эти люди и были основными поставщиками фирмы Фургала. Говорили, что именно такая воровайка была и у Сандалова.

— Да, мама Романа говорила мне, что он купил японский грузовичок. Только, по ее словам, металл он возил редко и исключительно по просьбе друзей.

— Ну так или иначе, он действительно привез лом в один из пунктов «МИФа». А потом из-за того, что с ним не расплатились, вывез обратно. И кто-то из начальства сказал своим: пойдите и разберитесь.

— Кто из начальства?

— Да там в каждом пункте было по «начальнику». Ну «разберитесь» — это разве означает «уберите»? Перед человеком поставили задачу не Сандалова убрать, а вернуть металл. Дальше уже просто тупость водителя. Парень этот, Сандалов, оказался храбрым, начал дергаться, кричал, что не отдаст, полез драться. У водителя в машине было ружье, он достал, чтоб напугать. Сдуру выстрелил. Все это давно известно, с суда.

— Оружейник не виноват. Но я разговаривала с адвокатом, защищавшим Журавлева на первых порах. Он утверждает, что в деле есть показания трех человек, сидевших в машине, пока Журавлев размахивал ружьем. И будто бы они сказали, что «разбираться» их посылал Фургал.

— Это мог быть кто угодно — вплоть до приемщика в этой точке, откуда Сандалов металл вывез. Но что точно — никто не мог приказать «убей бича, который украл у меня две тонны металла». Тогда дело и заглохло потому, что все знали, кто убил и как.

Фургал — он всегда был такой тихой мышью, он очень не любил где-то отсвечивать. Он даже избирался — кампанию вел не на себя, а на ЛДПР. Она побеждала, он был первый в списке — и проходил. В 2004 году он уже готовился идти в краевую думу. Зная его, зная, как он боится любого шума, я не могу себе представить, чтобы он какому-то водителю приказывал убить промышляющего металлом безобидного бедолагу. Еще смешнее — что Фургал якобы купил всех ментов вплоть до прокурора края.

— Хабаровские менты и прокуроры не продаются?

— Вот этого точно не скажу, скорее, наоборот. Но уж точно не людям с улицы.

— Фургал к этому времени не был депутатом, но был успешным бизнесменом.

— У него бизнес более-менее прилично пошел, когда появились какие-никакие лоббистские возможности как у депутата. Но и потом, уже став депутатом, до самых выборов губернатора в 2013-м он не имел в городе никакого влияния. «МИФ-Хабаровск» у нас знали только потому, что по городу ездило много машин с этим названием.

— Вы собирали информацию о Тимофееве, а сейчас говорят, что именно ему якобы Фургал заказал убийство Евгения Зори. Точнее, Тимофеев сам предложил услуги. При аресте у Тимофеева нашли удостоверение помощника депутата Госдумы Сергея Фургала. Вы знаете, чем мог Тимоха помогать депутату?

— Тимоха — он парень непростой. У него был спортивный клуб «Моисей», железобетонный бункер с охраной и несколько десятков спортсменов «под ружьем». Но если правильное найти название для Тимохи, так он, как говорят у нас в Хабаровске, понторез. Если надо было решить вопросы с какими-нибудь таксистами, то ехали его бандиты. Но если с каким-то более-менее серьезным коммерсантом — тогда он ехал сам. Ему вот это очень нравилось: изобразить крутого бизнесмена, ресторатора, у него ресторан был — «Серая лошадь».

И как человек, которому нужны внешние атрибуты, он обожал любые «корки». А уж корочки помощника депутата, причем не важно какого уровня, это в те годы для таких людей было просто ну круто. С этим можно было от гаишников отбиваться. Выпросил у Фургала «корку» по знакомству. Тимоха отморозок — это безусловно. Но мог ли он кого-то убивать? Очень сомневаюсь.

— А если не сам, а с помощью тех, кого к таксистам посылал?

— Никогда ни в чем подобном он не был замечен. Ну и потом, у нас все знали, что он «подментованный». Знакомства с местными фээсбэшниками он не только не скрывал, но еще ими похвалялся. Когда в 2011–2012 годах кураторы от ФСБ от Тимофеева отказались, за него плотно взялась милиция. И его закрыли на 8 лет за вымогательство. Вы серьезно думаете, что тогда информацию о его соучастии в убийствах кто-то утаил бы, если б она была?

> ЗНАЯ, КАК ФУРГАЛ БОИТСЯ ЛЮБОГО ШУМА, Я НЕ МОГУ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТОБЫ ОН ПРИКАЗЫВАЛ УБИТЬ БЕЗОБИДНОГО БЕДОЛАГУ

— Еще Фургала связывают с гибелью бывшего менеджера его компании Олега Булатова.

— Об этом деле я знаю меньше всего. Потому что бизнес тут вообще ни при чем.

— Если не бизнес, тогда что? Булатов значится в учредителях фирмы по торговле металлоломом. Фургал и Мистрюков фигурируют как его партнеры с равными долями. Зачем, по-вашему, им надо было партнерствовать?

— У любого бизнесмена, как правило, есть несколько фирм. Так выгоднее. И у меня тоже так было. И у Фургала, как у любого нормального бизнесмена, было с десяток таких фирм. В одной из них соучредителем был Булатов. Это все, что тут можно сказать. Сами подумайте: все активы — на «МИФ-Хабаровск», а в одной мелкой фирме — соучредитель Булатов. Зачем убивать совершенно не мешающего соучредителя одной из десятка компаний?

— Тот самый адвокат, которого я упоминала, уверяет, что Булатов, мол, что-то прознал про убийство Зори — и его убрали как опасного свидетеля.

Николай Мистрюков

РИА Новости

— Слушайте, Фургал никогда не был каким-нибудь Аль Капоне. Он был для этого слишком мелкий. И версий, связанных с Фургалом, с самого начала и не было.

— Как же не было? Его вызывали на допрос, он давал комментарии в прессе — говорил, что совершенно ни при чем.

— Фургала действительно вызывали и проверяли. Но так, как обычно проверяют первым делом вдову и соучредителей — по принципу «кому выгодно». Хотя здесь и выгоды ему никакой не было.

— Вы назвали смешной версию об убийстве Зори из-за железнодорожного тупика. В переписке вы раскритиковали версию о том, что его могли убить из мести за обиженных продавщиц. Вы знаете, из-за чего его убили?

— В целом вам тот человек рассказал про Зорю все правильно. Кроме одного: в городе все знали, что Зоря отмывал деньги для «комсомольских».

— Те самые инвестиции, о которых вы рассказали вначале?

— У Зори и его жены была крупнейшая в Хабаровске сеть мелкорозничной торговли. Его фургоны стояли на каждой остановке, возле каждой школы — везде. Сигареты, жвачка, кофе и так далее. Вы понимаете, что это такое?

— Наличные деньги.

— Конечно. Причем черный нал. А мы же в те годы только впервые ощутили в руках живые деньги. В конце 90-х работали-то все по каким-то зачетам, по бартеру и так далее. Когда наличные деньги только-только стали у людей появляться, Зоря уже вовсю торговал. Вы представляете, сколько товара в киосках можно было тогда не приходовать? Днем ты, например, торгуешь через кассу. А ночью — кто у тебя ночью чек спросит? Или, например, прошла у тебя проверка — можно пару месяцев смело торговать мимо кассы. Или иметь второй кассовый аппарат, незарегистрированный, — и чеки через него пробивать. Что, какой-то школьник купит жвачку и пойдет в управление торговли узнать, зарегистрирован ли аппарат?

— Вы хотите сказать, что Зоря мог это делать для «комсомольских»?

— Нет, не скажу такого. И что он был членом банды — тем более не скажу. Но почему бы ему не помогать им за какую-то долю отмыть деньги? На таких воры у нас молились. И все таким сотрудничеством были довольны.

— Откуда тогда версия, что Зорю убили из-за конфликта с ворами?

— В 2001 году у нас убили Соседа, на его место пришел Краб. Он унаследовал все контакты Соседа, в том числе сотрудничество с бизнесменами вроде Зори. Потом у Краба с «комсомольскими» случился конфликт. В общем, Краба низложили. Дальше то ли Зоря отказался возвращать «комсомольским» те деньги, которые были в его бизнес вложены из общака, вроде как еще не прокрутил, то ли Краб начал убирать тех, кто продолжил работать с «комсомольскими», а не с ним. Тогда же не один Зоря погиб, это действительно была война, две стороны подрывали, если можно так сказать, финансовую основу друг друга.

— Мог ли Фургал как-то поучаствовать в той войне?

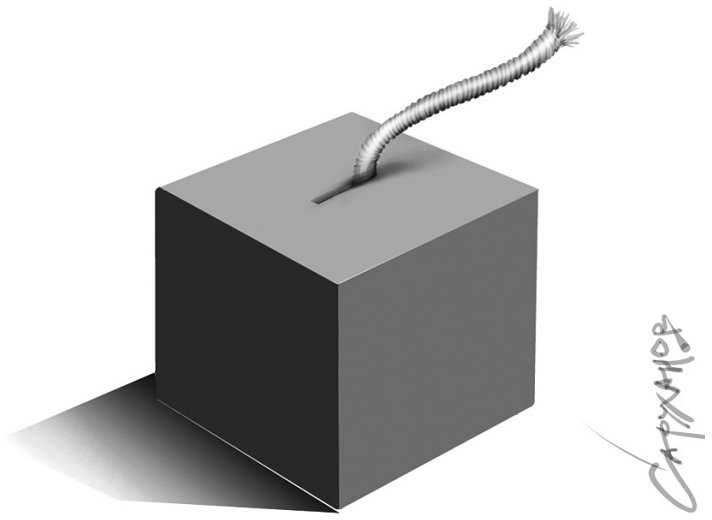
— Он был совсем малоизвестным бизнесменом. Думать, что такие могли вносить в это лепту, смешно. У СК, наверное, совсем нет на Фургала фактуры, поэтому они и потянулись к тому периоду в Хабаровске. Тогда столько всего было, что что-то можно, конечно, за уши притянуть и к Фургалу.

Ирина ТУМАКОВА,
«Новая»

ВЫБОРЫ НАЧИНАЮТСЯ В ПОНЕДЕЛЬНИК

письмо из редакции

Кирилл МАРТЫНОВ,
редактор отдела политики



Петр САРУХАНОВ — «Новая»

«Обнуление» Конституции стало историческим рубежом российской политики. Пережив «вдохновляющий триумф», кремлевские жители окончательно разучились вести диалог с гражданами (в их терминологии — с «населением»). Попутно они создали крупнейшего за последние десятилетия оппозиционного кандидата «Нет»: только по официальным данным, до четверти жителей России открыто выступили против дальнейшей консервации нынешнего политического курса.

Социологи фиксируют, что сочувствовать оппозиционным идеям в России, симпатизировать протестам в Хабаровске и Беларуси — это новая норма. Более того, парадокс заключается в том, что скрывать свою партийную принадлежность, как на последних выборах в Мосгордуму, приходится представителям так называемой партии власти. Неспособность Кремля поддерживать даже видимость диалога в новых условиях косвенно подтверждается отменой в этом году традиционной «прямой линии» президента Путина. Кажется, создание картинки всенародного одобрения и ликования не получилось бы даже с учетом усилий лучших пропагандистов.

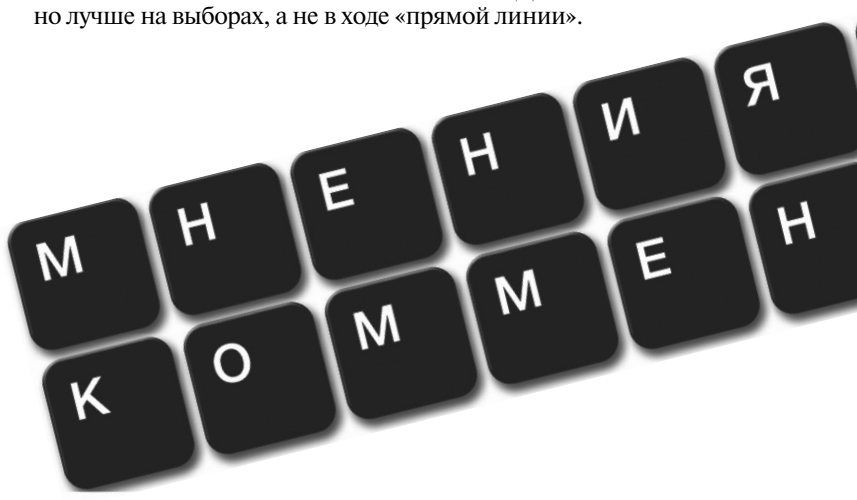
На этом фоне в России 13 сентября проходит единый день голосования (тоже, кстати, возможно, последний в этом осеннем формате, с учетом предложения председателя ЦИК Памфиловой перенести его на весну). Граждане России избирают 18 новых губернаторов, в десятках регионах проходят выборы в Заксобрания и муниципальные органы власти. В нормальной ситуации мы могли бы предсказывать существенное расширение представительства оппозиционных партий и независимых кандидатов в российской политике: хорошей социологии перед этими выборами сделать никто не успел, но тенденция к качественному росту протестного голосования очевидна.

Однако в нашем развитом авторитаризме все происходит иначе: нет сомнений в том, что в воскресенье власти и подконтрольные им избирательные комиссии объявят об убедительной победе своих кандидатов на 90% участков, после чего жителям регионов придется выбирать, готовы ли они признать, что посчитали на этот раз честно. Если в демократических странах все ждут итогов выборов, то при диктатуре политика после закрытия участков только начинается. В этом смысле Беларусь для нас действительно братская страна, у которой стоит поучиться и проведению объединенной демократической кампании перед выборами, и кампании солидарности после них.

Реплика в сторону: трудно все же понять, как устроено мышление у авторитариев всех стран. Ведь очевидно, что создать устойчивую демократическую систему, в которой власть регулярно сменяется, голоса избирателей не крадутся, а политические дуэли проводятся исключительно в парламенте, стратегически гораздо более выгодно, чем после каждых выборов бегать вокруг своего дворца с автоматом.

Эксперты не случайно отказываются предсказывать, что произойдет в России после 13 сентября 2020 года. Ответит ли российский избиратель на демонтаж конституционного строя, на попытку убийства Навального, циничную поддержку Лукашенко и издевательский «триединый день голосования» политической апатией и пассивностью? Или нас ждет новая мобилизация по образцу конца 80-х годов прошлого века, в пользу приближения которой пока свидетельствует резкий рост желающих воспользоваться пассивным избирательным правом на местных выборах?

Ясно, что у россиян есть шанс высказаться по всем этим вопросам, а также спросить у государства за объемы помощи во время пандемии и стагнацию экономики в течение шести лет. Делать это действительно лучше на выборах, а не в ходе «прямой линии».



прикладная антропология

ЕВРЕЙСКИЙ ОТВЕТ

Анна НАРИНСКАЯ*

Как Чебурашка, кот Леопольд и старик Хоттабыч попали на выставку «Найди еврея»

Я не верю, когда соотечественники возраста сорок плюс, имеющие внешность, которую хоть отдаленно можно принять за еврейскую, говорят мне, что не сталкивались с антисемитизмом. То есть антисемитизм, разумеется, и сейчас есть, но он чаще другой. Неочевидный. Вот одну знакомую девушку на днях повысили по работе. Она была официанткой, а ей в том же кафе предложили встать за кассу и зарплату повысили. Предыдущая кассирша уволилась, искали новую — и выбрали эту девушку. Причину объяснили так: «Ваша нация — она с деньгами умеет».

Наверное, можно спорить — антисемитизм ли это: ведь жизнь девушки в итоге улучшилась. Я-то уверена, что — да. Ведь на нее смотрели и видели ее национальность. А это, я уверена, оно и есть.

Но в семидесятых и восьмидесятых мы сталкивались с куда более очевидными кейсами. Причем главным их «производителем» было государство, а граждане подтягивались. Например, еврей «по паспорту» (да и «по физиономии») не мог поступить, скажем, на мехмат МГУ — и это была инициатива государственная.

А в пятом классе на уроке биологии мой одноклассник вдруг заорал, перебивая учительницу, которая объясняла нам, как растения размножаются черенками и отводками: «Вы, евреи, размножаетесь черенками!» У меня внутри все сжалось, и я по наитию выпалила: «А вы размножаетесь от водки!» Так вот, поступок моего одноклассника — это была инициатива частная.

Тут могло бы быть рассуждение о том, насколько эти настроения изменились за постсоветское время, насколько отсутствие резко выраженного государственного антисемитизма влияет на выветривание таких настроений на человеческом уровне и появились ли народности, как бы подменившие евреев в качестве мишени таких настроений. Все это очень интересно, но я сейчас о другом. О феномене советского еврея. О том — что такое советский еврей. О том — как эта еврейскость выражалась. Потому что наша выставка «Найди еврея» (она открывается 14 сентября в галерее ГРАУНД Солянка) рассказывает именно об этом.

> «советские евреи как сообщество судьбы

Что такое послевоенный советский еврей? Каким образом он оставался евреем, не сохранив по большей части своей религии, языка, не сохраняя традиций, а часто с удовольствием воспринимая традиции новые? На этот вопрос есть серьезный ответ. Он такой: советские евреи представляли собой сообщество судьбы.

Готовя выставку, мы с моим сокуратором Катей Бочавар и дизайнером Игорем Гуровичем разговаривали со многими людьми с советским опытом, которых можно даже назвать «знаковыми» евреями — с Людмилой Улицкой, Геннадием Хазановым, Георгием Пинхасовым, — и все они говорили одно и то же. При их любви к русской культуре, встроенности в нее они, возможно, и забыли бы о своем еврействе.

Постоянно помнить о нем их заставляло окружающее их неприятие — от точечной и как бы личной «жидовской морды» в трамвае до идущего сверху запрета на важные должности и покрывающего все информационное поле замалчивания «еврейского» и — от культуры, до реальных масштабов холокоста. Более того, это ощущение сопротивления среды объединяло людей, несмотря на непреодолимые в других обстоятельствах различия: профессор из Ленинграда и бухгалтер из Винницы ощущали общность и единство, невозможные ни при каком другом раскладе.

Этот серьезный научный феномен (который работает, разумеется, применительно не только к евреям — сообществом судьбы были, например, блокадники, к нему и сегодня можно отнести самые разные группы людей, подвергающихся давлению) в нашей ситуации имел часто несерьезные и даже веселые последствия.

Слышали ли вы о том, что Чебурашка — еврей? А кот Леопольд? Что вам известно об иудейских корнях старика Хоттабыча? Об иудеях в сказках о Волшебнике Изумрудного города? Что вы знаете об иудаистской символике на Новом Арбате? А на изделиях фабрики хрусталя в Гусь-Хрустальном? О синагоге в «Бриллиантовой руке»? Что из этого — осознанный замысел, а что — миф? И существенна ли тут разница?

И как все это отвечает на вызов судьбы, образующей такое сообщество. Наша выставка — про это.

**Автор — критик, куратор*

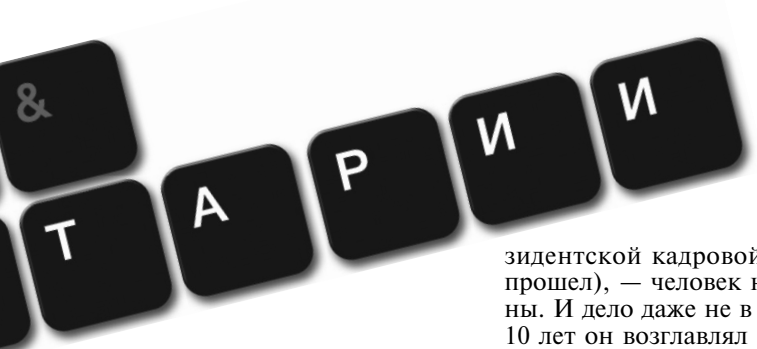
«СВЯТО МЕСТО» — ПУСТО

Леонид НИКИТИНСКИЙ*

Об отставке судьи Егоровой и переделе сфер влияния в столичных судах

Заявление Ольги Егоровой об отставке не стало сюрпризом: информация о том, что на третий конкурс на должность председателя Мосгорсуда после неудачи первых двух, когда документы не подавал никто (поступило только одно заявление, и не от Егоровой), появилась в начале августа. Переходить с такой должности некуда (если не на высокую должность в Верховном суде — и такие слухи одно время ходили), поэтому рассмотрение в ВККС (Высшей квалификационной коллегии судей) заявления Егоровой об отставке станет рутинной процедурой, необходимой для назначения ей пожизненного содержания судьи — в размере последнего оклада со всеми надбавками.

За Егорову волноваться не стоит, беспокоиться надо тем судьям, которые остаются на своих должностях: в районных судах Москвы по состоянию на конец 2019 года это 478 человек и еще порядка 240 судей в самом Мосгорсуде. Если бы на место Егоровой пришел кто-то из ее замов, было бы спокойнее, но Михаил Птицын, который теперь сядет в это кресло почти наверняка (указа президента еще нет, но фильтр президентской кадровой комиссии он уже прошел), — человек не просто со стороны. И дело даже не в том, что последние 10 лет он возглавлял окружной военный суд в Ростове-на-Дону, а в том, что его назначение было подготовлено, судя по всему, вопреки желанию не только самой Егоровой, но и тех, кто видел в этом кресле по-прежнему только ее.



Автор — обозреватель «Новой»

Следя за перипетиями трех конкурсов на должность председателя Мосгорсуда и за сопровождавшей их информационной кампанией в не всегда внятных СМИ, мы могли сделать вывод о разных ставках в нешуточной борьбе неких «кланов», имеющих влияние как в ВККС и в Верховном суде, так и в кадровой комиссии президента. Как московские судьи примут нового председателя? А еще важнее: как он сам примет (или не примет) прежних замов, влиятельных председателей районных судов и судебных составов?

Как и все «институции» в современной России, суды (а уж столичные в особенности) работают не как институты, а как клиентелы, где неформальные личные связи играют более важную роль, чем формализованная структура, притом не столько по писаным законам, сколько по неписаным «понятиям» и согласно хорошо известному принципу избирательного правоприменения и неприменения.

> «новый председатель Мосгорсуда окажется под колпаком

С точки зрения «политических» дел, связанных с протестной активностью, иллюзий относительно изменений в практике московских судов строить не следует: они могут произойти не раньше, чем изменится внутренняя политика самого Кремля. Но это в полном соответствии с марксистским учением — «надстройка», а есть и «базис» — в виде отношений в сфере собственности и денежного оборота. Москва — город не только и даже не столько политической, сколько финансовой активности, тут на кону миллиарды, и не только рублей.

Ошибочно считать, что ключевую роль в переделе собственности играют арбитражные суды: там выдаются лишь окончательные «сертификаты», но главным орудием отнюдь не отошедших в прошлое рейдерских захватов остаются уголовные дела (примеры я даже не привожу, они слишком известны). Кроме собственно приговоров, именно судьи общей юрисдикции выдают санкции на важнейшие следственные и оперативные действия, что позволяет им (и тем, кто с ними дружит) быть в курсе даже еще только намечающихся операций и схем.

Егорова никогда не была прямо замечена в каких бы то ни было коррупционных связях, а иначе она бы и не усидела в своем кресле 20 лет. Зато она хорошо знает, как и что (и кто!) работает в этой системе с точки зрения обслуживания ею переделов собственности. Она имела кадровые и иные инструменты, позволяющие регулировать по крайней мере главные потоки таких «особых» дел (а их за 20 лет разных масштабов прошли сотни и тысячи). Но у того, кто сменит Егорову, аналогичные рычаги сами собой сразу не появятся.

Новому председателю (кто бы им ни стал, если не изнутри) будет сложно разобраться в этих сложных теневых механизмах, хотя желающих помочь, конечно, будет довольно. При этом он окажется под плотным колпаком у тех, кто лоббировал назначение Егоровой (о чем его даже прямо предупреждали в информационных сливах) и чей обычный метод работы — провокация. С одной стороны, новый председатель будет вынужден бороться с коррупцией в московских судах, а с другой — в этой войне не так просто одержать верх, да и просто в ней не погибнуть. Так что, Ольга Александровна и в почетной отставке останется фигурой далеко не лишенной влияния — рано списывать ее «в кадровый резерв».

P.S. ***«Новая», со своей стороны, тоже охотно укажет будущему председателю Мосгорсуда на конкретные судебные решения, очень похожие на «заказные».***

МЩЕНИЕ АХИЛЛА

снизу постучали

Денис ДРАГУНСКИЙ*

— С карточки или наличными? — спросил Сидоров.

— Наличными, естественно, — ответил Муравьев. — Дураков нет.

— Рублями или как?

— Или как! — засмеялся Муравьев. — Я же, кажется, сказал: дураков нет.

— Ага. Тогда такую сумму только завтра.

— Да хоть послезавтра. — Муравьев равнодушно зевнул или сделал вид, что ему все равно.

— А успеем?

Муравьев посмотрел в окно, не желая продолжать разговор.

В окне был виден кусок вечерней улицы. На стену дома напротив наводили лазерную рекламу: «Победа Путина — победа России! Прими верное решение!» На дворе был мокрый теплый февраль 2030 года.

***

Сидоров явился через три дня.

— Вот, — он похлопал себя по животу.

— Сгружай, — кивнул Муравьев, подставив пластиковый мешок под задранный свитер Сидорова.

***

— Ложись, — сказал Муравьев.

Он помог Сидорову устроиться на жесткой металлической кушетке. Кушетка была двуспальная, он лег рядом. Они пристегнулись. Потом над ними опустилась крышка. Капсула машины времени задраивалась автоматически. Зашипел воздух. Стало прохладно.

— Денег не жалко? — вдруг спросил Муравьев. — А то пока не поздно...

Автор — писатель

— Нет, что вы! — ответил Сидоров. — Я серьезный клиент.

— Можно на «ты», — сказал Муравьев. — Сегодня хорошая программа. Битва под стенами Трои. Мщение Ахилла. Ахилл убивает Гектора за то, что тот убил его друга Патрокла. Но тебе это не так важно знать. Ты будешь типа вместо Ахилла, понял? Засандалишь дротиком Гектору в шею. Я покажу, что да как. Поехали.

Машина загудела, и все потемнело вокруг.

— А если он меня? — встревожился Сидоров.

— Я буду рядом, — сказал Муравьев.

Было солнце, было жарко, было дико неудобно, особенно из-за этих медных панцирей. Сидоров каждое утро делал пробежку десять километров, и ходил в бассейн, и вообще был крепкий и выносливый — но три круга вокруг этой маленькой каменной крепости вымотали его вконец.

Он уже пожалел, что ввязался. Тем более что мужик, которого ему предстояло убить, был страшно здоровый, но, главное, симпатичный! Даже жалко. Но он так размахивал своим мечом, что Сидоров из последних сил отбивался тяжелым разукрашенным щитом. Было бы на нем поменьше всяких фигур, легче было бы, честное слово. «И вообще, — вдруг почти раскаялся Сидоров, — что за кайф убивать живого человека?» Но этот Гектор так на него набрасывался, что выхода не было, и он изо всех сил саданул ему в шею коротким дротиком и неожиданно для самого себя вдруг вскричал:

— Гектор, Патрокла убил ты — и думал живым остаться?

— Отлично. А теперь назад! — услышал он через гарнитуру голос Муравьева. — Быстро! А то сейчас остальные набегут.

Сидоров шагнул назад, на магнитную дорожку. Тут вправду набежали какие-то мужики и стали совершенно по-свински, как последняя гопота, колоть убитого мечами и дротиками и оборачиваться на Сидорова, как бы ища его одобрения. Казалось, они ждут от него какой-то речи. Каких-то громких и возвышенных слов. Он даже закашлялся от волнения, но все же сказал:

— Други, герои ахейцы, бесстрашные слуги Арея! Мужа сего победить наконец даровали мне боги!

— Давай назад, живее, — закричал сзади Муравьев. — Машина ждет!

Но Сидоров взбесился, вытащил из ножен меч, набросился на этих мужиков просто как дикий зверь и изрубил троих. Остальные убежали. Он метнул им вслед запасной дротик. Кажется, в кого-то попал. Муравьев схватил Сидорова за руку и втащил в капсулу машины времени.

***

— На хрена ты вот это вот все? — спросил Муравьев, когда все защелкнулось, потемнело и понеслось вперед. — Ты, козлина, рассказ Рэя Брэдбери читал? Про бабочку.

— Читал.

— Ты что, нарочно, сука? Что ж теперь будет?

— Нарочно не нарочно, а деваться некуда, — ответил Сидоров. — Считай, что нарочно. Остобрыдло все, понимаешь?

— Тишина! — скомандовал Муравьев. — Выходим из зоны.

На дворе был мокрый теплый февраль 2030 года. В окне был виден кусок вечерней улицы. На стене дома напротив мигала лазерная реклама: «Побѣда Путина — побѣда Россіи! Прими вѣрное рѣшеніе!»

— Значит, Брэдбери все наврал? — спросил Сидоров. — Кроме орфографии?

— Да, мелковато вышло, — вздохнул Муравьев.

ДЕНЬГИ В

Тайны и страсти безусловного базового дохода, или О чем не сказал Медведев

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ
специально для «Новой»

Безусловный базовый доход (ББД) — одна из самых модных (и самых мифологизированных) идей социальной и экономической политики. Недавно заявление о необходимости внедрения ББД в России сделал председатель партии «Единая Россия» Дмитрий Медведев, до этого не замеченный в желании раздавать деньги гражданам. Всерьез обсуждать предвыборные инициативы Дмитрия Анатольевича было бы странно, но вот с самой идеей ББД стоит разобраться внимательнее.

Давняя история

Безусловный базовый доход — не вчерашнее изобретение. В этом году мы могли бы отпраздновать его своеобразный юбилей — 225 лет. В 1795 году члены магистрата английского города Спиндхалем постановили, что «каждый бедный и трудолюбивый человек» должен иметь три шиллинга на содержание самого себя и 1 шиллинг 6 пенсов на каждого члена семьи». По приблизительному пересчету тогдашние английские 3 шиллинга соответствуют нынешним 11 фунтам.

Если же заработок «бедного и трудолюбивого человека» был меньше, он должен был получать пособие из «средств, поступающих благодаря взиманию особого налога в пользу бедных». Авторы «Спиндхалемского акта» предусмотрели и индексацию этой суммы в случае роста цен.

В принципе, «Спиндхалемский акт» можно считать прототипом как «безусловного дохода», так и современных систем социальной помощи, идея которых заключается в том, чтобы не дать человеку сократить свое потребление ниже некоего социально приемлемого уровня. Так работает social security на Западе — человеку платят столько, чтобы он мог «подтянуть» свой жизненный стандарт до нужной планки. Если эта планка составляет 1000 условных единиц, то кто-то может получить 500 единиц, а кто-то 200. Задача здесь не в том, чтобы раздать деньги всем поровну, а в том, чтобы каждый жил не хуже своего соседа. Ну и вдобавок нищий и голодный — плохой покупатель, давайте лучше дадим ему деньги, которые он так или иначе вернет в экономику.

Практика применения «Спиндхалемского акта» продержалась в Англии примерно 40 лет, однако погубило ее вот какое обстоятельство. Предприниматели, будучи уверены в том, что их работники в любом случае не умрут с голоду, поскольку могут претендовать на получение пособия, начали массово занижать зарплаты. Там, где раньше работнику предлагали тот же шиллинг в день, там фабрикант или фермер назначал меньшую зарплату, поскольку оставшуюся часть поденщик все равно должен был получить из общественных средств.

Эта история, кстати, служит отличным аргументом против увязывания объемов социальной помощи с суммами заработка.

> «БАЗОВЫЙ ДОХОД МОЖЕТ ЗАМЕНИТЬ СУЩЕСТВУЮЩИЕ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСОБИЯ, ПОЛУЧЕНИЕ КОТОРЫХ ТРЕБУЕТ СОБЛЮДЕНИЯ МНОЖЕСТВА УСЛОВИЙ

Базовый доход — либеральная идея

Точно так же неправильно считать, что «базовый доход» — изобретение каких-то добрых «социалистов», в то время как злые «либералы» выступают против раздачи денег голодным и бедным. Это как раз социалисты всю дорогу настаивали, что «кто не работает, тот не ест», а в Советском Союзе человек, не прикрепленный к государственному рабочему месту, назывался «тунеядец» и рисковал ответственностью вплоть до уголовной.

Экономику формирования базового дохода объяснил еще в 1960-е годы гуру либеральной экономики Милтон Фридман, предложивший идею отрицательного подоходного налога. Все граждане страны — так или иначе налогоплательщики, бедные тоже платят налоги (хотя бы при покупках), давайте посчитаем, сколько бедному человеку не хватает денег, и вернем их ему. Это лучше, чем выдавать ему пособия «на что-то» и проверять их использование — человек сам решит, что ему купить в первую очередь. Примерно то же самое — возмещать НДФЛ тем, у кого низкие доходы, на днях предложил глава банка ВТБ Андрей Костин (год назад он уже выступал с идеей вообще отменить НДФЛ для малоимущих).

В сущности, безусловный базовый доход, будь он введен для всех (раз уж мы называем его безусловным), и есть налоговый вычет — государство не может иметь в своем распоряжении никаких других денег, кроме тех, которые ему передали граждане страны в виде налогов (это не только НДФЛ — с точки зрения экономики и НДС, и налог на добычу полезных ископаемых — это всё ваши деньги и принадлежат они гражданам, а «государство» и его начальники всего лишь временные распорядители этими деньгами).

«Незаработанные» деньги? На самом деле — нет

Еще один популярный миф о базовом доходе — он представляет собой «незаработанные деньги». Рассуждая так, можно сказать, что вся существующая система социальных пособий по бедности — это «незаработанные деньги». Но у ББД есть важная особенность — он может заменить существующие многочисленные социальные пособия, получение которых требует соблюдения множества условий, и соответственно, разветвленной бюрократии, проверяющей соблюдение этих условий, прежде чем выдать пособие нуждающимся. На тебе деньги в руки — и мы точно знаем, что ни от голода, ни от холода, ни на улице ты уже не умрешь и не заболеешь. А хочешь жить лучше — пожалуйста, можешь работать по своему усмотрению. Кстати, внедрение базового дохода не отменяет ни бесплатного образования, ни социального здравоохранения — это особая история.

Но почему человек, получающий безусловный доход, будет искать работу? Парадоксально, но базовый доход как раз и имеет своей целью решение проблемы застойной безработицы и застойной бедности.

Допустим, человек, живущий на пособие, решит найти себе работу. В современном мегаполисе это несложно. Правда, первое попавшееся рабочее место может быть «плохим» (с низкой зарплатой и тяжелыми условиями труда), и вот тут наш безработный сталкивается с дилеммой — если он пойдет на работу, то потеряет право на пособия и вдобавок будет вынужден платить налоги. Чтобы овчинка стоила выделки, ему надо найти высокооплачиваемую работу — такую, чтобы заработок компенсировал все, что он потеряет, отказавшись от пособия, а также расходы, которые ему придется нести, — например, транспорт или питание на работе. Но высокооплачиваемых мест — мало, долговременная безработица губит трудовые навыки, и человек вообще теряет стимул к поиску работы — «хорошую» ему не найти, а «плохая» не решит его проблем.

Базовый доход призван ликвидировать эту ловушку. Если человек не теряет пособия при получении рабочего места, то у него появляется стимул, чтобы искать работу в любом случае и соглашаться хотя бы и на низкую оплату. Но чтобы он не терял права на пособие, надо, чтобы оно было безусловным.

Кроме того, подсказывают экономисты, экономике нужен не просто работник, а работник высокопроизводительный и мотивированный. В идеале человек должен работать на максимуме своих способностей за максимальную зарплату. Но в реальности так не получается, потому что человек очень часто боится потерять даже «плохую» работу, поэтому продолжает трудиться с низкой производительностью на неподходящем для себя рабочем месте, вместо того чтобы найти лучшее применение своим силам. Для экономики в целом такое поведение отдельного работника — проигрыш.

Практика — критерий истины

А откуда мы знаем, что человек, получающий «безусловное пособие», вообще будет искать работу, а не предпочтет сидеть у телевизора? На этот счет существует опыт многочисленных экспериментов.

От миниатюрных, как в Лондоне, где дюжине бродяг раздали по три тысячи фунтов (8 человек перестали бомжевать и сумели найти себе работу и крышу над головой), до масштабных, как в канадском городе Дофин в 1973 году. В Дофине всем жителям был гарантирован базовый доход, не позволявший упасть ниже черты бедности. На практике это означало, что около тысячи семей начали получать пособия без всяких обязательств. В пересчете на современные деньги семья из четырех человек получала около $19 тысяч в год.

Что получилось? Люди стали чуть-чуть поменьше работать (для мужчин количество рабочего времени снизилось на 1%, для женщин — на 3–5%). Зато люди стали больше времени тратить на образование. Но самое примечательное — значительно — на 8,5% снизились затраты на госпитализацию, люди стали меньше обращаться к врачам. С учетом колоссальных расходов современного общества на медицину возможность не работать «на износ» — не только лекарство, но и способ сберечь значительные средства.

Вообще, сторонники базового дохода подчеркивают, что его косвенные плюсы — снижение потерь от заболеваний, снижение уровня преступности и домашнего насилия — тоже надо учитывать, принимая решение о введении ББД.

Комментируя эксперименты с базовым доходом, надо помнить, что это были именно эксперименты, практические научные исследования, призванные ответить на ряд конкретных вопросов — как новый тип пособия повлияет на потребительское и трудовое поведение людей, как изменятся его стимулы к работе, действительно ли сократятся издержки на администрирование социальной помощи.

Ответы, полученные в ходе таких экспериментов в Финляндии, Германии, США и даже в России, позволяют утверждать, что в целом получатели базового дохода продолжают вести себя, как и вели раньше — в хорошем смысле слова, — работают, как и работали, а если не работали — то ищут и находят работу, получают новую специальность, а деньги тратят вполне разумно. Это и понятно —

РУКИ

на базовый доход не больно-то и зашикуешь. Кроме того, некорректно говорить, что прекращение таких экспериментов стало аргументом против введения ББД. Это были именно исследования, ограниченные во времени. Нет сомнений в том, что они будут продолжены и расширены.

А вот принятие решения о базовом доходе для всех — это уже не наука, а политика. Как отмечал российский политолог Александр Шерстобитов, позитивные policy effects (общественные эффекты) от внедрения ББД — еще не синоним political effects (политических эффектов). Для того чтобы обеспечить всех ББД, вам понадобится как минимум серьезная реформа по распределению общественного благосостояния — будь то доходы от ренты или доходы от налогов на труд и капитал.

Есть ли деньги?

У противников внедрения ББД — свои аргументы. Ключевой из них заключается в следующем — в развитых странах смерть от голода и холода при существующей системе социальных пособий не грозит никому, а работа и заработок в данном случае — лишь средство подняться по социальной лестнице. Можно, конечно, назначить всем пособие в несколько сот долларов в месяц, но само по себе это еще не ликвидирует ни неравенства доходов и возможностей и не снизит общий уровень социального стресса. Ну да, творческим личностям будет легче заниматься любимым делом, не заботясь о куске хлеба, но поддержать их деятельность можно и без внедрения ББД. Лучше гарантировать пособие молодежи — с тем чтобы они тратили больше времени на учебу, а не на поиски приработка — почему бы и нет?

А сколько вообще может составлять безусловный базовый доход?

Бельгийские экономисты Филипп Ваг Парайс и Янник Вандерборхт в своей книге «Орудие свободы» приводили такой расчет: «Вне зависимости от страны мы предлагаем брать величину, соответствующую 25% ее текущего подушевого ВВП. Например, в США базовый доход в этом случае составил бы 1164 долл., 1670 долл. в Швейцарии, 910 долл. в Великобритании, 180 долл. в Бразилии, 33 долл. в Индии, 9,5 долл. в Конго».

Каков же тогда будет ББД в случае России? Подушевой ВВП у нас составляет около 11 тыс. долларов. Следовательно, 25% от этой величины составляет 2,7 тыс. долларов в год, или 220 долларов в месяц. По нынешнему курсу — это около 17 тыс. рублей в месяц. Для семьи из трех человек это будет составлять примерно 50 тыс. рублей в месяц. Для малообеспеченных людей (а таковых 60–70% в России) это существенные деньги, полторы медианных зарплаты.

А есть ли у нас такие деньги?

Давайте для простоты расчета допустим, что речь пойдет хотя бы о 10 000 рублей ежемесячной выплаты каждому (или даже 100 евро, чтобы было легче считать).

145 миллионов граждан умножить на 100 евро получится 14,5 миллиарда евро в месяц.

174 миллиарда евро — в год.

Расходы бюджета РФ — в 2020-м году — 20 триллионов рублей, то есть 200 миллиардов евро.

При таком раскладе базового дохода нам, похоже, не видать.

Даже уполовинив сумму поддержки или выплачивая ее только тем, кто не работает (70 миллионов граждан), получится примерно по 90 миллиардов евро. Почти полбюджета.

Такой расчет не означает, что общество не может обеспечить минимальный уровень потребления своим гражданам вообще, а только то, что безусловный базовый доход потребует очень серьезной перестройки налоговой системы и распределения доходов. При этом — и здесь не возразишь — люди будут тратить эти деньги на то, что им действительно нужно, а не на то, что предлагает им начальство.

Долгосрочные последствия

Кроме того, есть еще один эффект внедрения ББД — появление такого пособия должно привести к повышению цены труда. Почему?

Какая-то часть людей, получающих ББД, либо совсем уйдет с рынка труда, либо сократит предложение своего труда. Как бы ни был невелик базовый доход, для кого-то он окажется достаточным, чтобы снизить свою трудовую активность по принципу «лучше кашки не доложь, да работой не тревожь». Просто люди будут меньше работать.

Насколько меньше? Существуют оценки, согласно которым выплата ББД в размере $10 тыс. в год в США привела бы к сокращению предложения труда на 3,4–4 процентных пункта. Это много. Тем более с учетом того, что население стареет.

Для компенсации потерь предложения труда придется — первое — поднимать зарплаты, второе — повышать производительность. На этом, кстати, построена теория экономического роста нобелевского лауреата Пола Ромера, объяснявшего, почему именно высокие зарплаты (дорогой труд) тянут вверх экономику.

Как это работает? «Дорогой» работник заставляет использовать его труд максимально эффективно, это, в свою очередь, мотивирует предпринимателя внедрять разные технические инновации, повышающие производительность, вложения в инновации требуют высококвалифицированного персонала, высококвалифицированный персонал стоит дорого и требует вложений в образование, вложения в образование тянут за собой инновации...

В этой логике введение ББД способно вдолгую стимулировать экономический рост; вопрос в том, будет ли он достаточен, чтобы компенсировать снижение предложения труда — ту ситуацию, когда какая-то часть людей будет, условно говоря, «сидеть и ничего не делать».

Правда, они все равно останутся потребителями, то есть их доля ББД вернется в экономику. Кроме того, надо считать и снижение расходов на медицину — чем меньше человек работает, тем меньше, скорее всего, его шансы заболеть, попасть в аварию и так далее; в масштабах общества это значимая величина.

Кроме того, чем дольше, тем больше экономика будет требовать не просто работников, а «мотивированных работников», то есть тех, кто работает хорошо и эффективно, за большие деньги. Для тех, кто не может вписаться в этот рабочий темп, надо либо придумывать искусственные занятия, либо платить им ББД. Но, одновременно, уход с рынка «немотивированных» работников наверняка снизит объем производственных аварий и катастроф. Хотя бы потому, что хорошо зарабатывающие профессионалы не будут готовы рисковать за три копейки.

Так или иначе, уже сейчас мы видим, что какая-то часть работников пока не может вписаться в новые тренды на рынке труда. Это не значит, что они не могут работать, — просто, возможно, людям надо дать время приспособиться к новой ситуации. ББД, в таком случае, — это плата общества за переформатирование экономики.

***

Насколько мы готовы к такому переформатированию не только экономики, но и всей нашей жизни? В Средние века схоласты задавались вопросом: почему милосердный Бог, который мог бы своей волей накормить голодных и одеть раздетых, не делает этого, и в мире существуют голод и нищета? Ответ был найден — видимо, Бог предположил, что люди решат эту проблему сами, и это деяние приблизит людей к Его светлому образу. Так или иначе, ресурсы для решения проблемы бедности — у нас в руках, но пока мы еще не знаем, как ими правильно воспользоваться.

> «ЕСЛИ ВЫПЛАЧИВАТЬ ПО 50 ЕВРО ПОДДЕРЖКИ КАЖДОМУ, НА ЭТО БУДЕТ УХОДИТЬ ПОЧТИ ПОЛОВИНА БЮДЖЕТА РОССИИ

Автор выражает признательность Юрию КУЗНЕЦОВУ, Дмитрию НЕКРАСОВУ, Александру ШЕРСТОБИТОВУ, Руслану КАПЕЛЮШНИКОВУ, Павлу ПРЯНИКОВУ, к идеям и текстам которых он обращался при подготовке данной статьи.

Максим КОРОТЧЕНКО / ИТАР-ТАСС

ЭПИТАФИЯ «СПУТНИКУ»

Что на самом деле умерло в «российском государственном интернете»

На днях СМИ рассказали, что российская государственная поисковая система «Спутник» приказала долго жить. «Ростелеком» закрыл доверенный ему государством проект, на который в общей сложности было израсходовано два миллиарда рублей.

Признаюсь, если бы не СМИ, мы сами никогда не догадались о печальном событии, поскольку поисковой системой «Спутник» простые смертные не пользовались: посещаемость проекта не превышала четырех тысяч человек в сутки. Для сравнения, Яндекс фиксирует около 20 миллионов обращений ежедневно, а Google — более 460 миллионов.

Как бы там ни было, прогрессивные СМИ подали известие триумфально: балканизация интернета не прошла! В очередной раз государство продемонстрировало свою неэффективность, а ушлые кодеры растаскали народные денежки и разбежались.

И вот теперь — не прошло и двух лет — бесславная эпопея вроде как подошла к логическому завершению: «Спутник» прикрыли...

Или не прикрыли? Сомнения рождаются при первом же визите на портал sputnik.ru: единственное заметное изменение — исчезновение поисковой строки запросов. Та самая строка, которой последние шесть лет, судя по статистике, никто, кроме официальных тестировщиков и государственных проверяющих, не пользовался.

Зато все остальные продукты семейства «Спутник» на месте: одноименный корпоративный браузер с российской криптографией, лаборатория интеллектуального анализа данных, система поддержки медицинских решений, веб-аналитика, а главное — в девственной неприкосновенности сохранилась коммерческая система корпоративного поиска (то есть поиска по внутренним данным организации: проектной документации, документообороту, интранету, маркетинговым материалам рабочим файлам сотрудников и т.п.).

Тем не менее ощущение триумфа/фиаско витает в воздухе, и именно с этими эмоциями предлагаю читателю совместно разобраться. Тем более что трагикомизм восприятия усиливается еще и кликушеством о разбазаренных народных средствах.

С этого разбазаривания предлагаю и начать. Обратите внимание: финансирование «Спутника» в эпитафии все поминают сугубо в рублях. Потратили целых ДВА МИЛЛИАРДА — звучит впечатляюще. Оно понятно: если перевести в доллары, получится 26 миллионов — сумма абсолютно смехотворная не то что для разработки, а просто для поддержания штанов команды из 170 человек на протяжении шести лет работы. Это, простите, бюджет захолустного райсовета, а не амбиций по созданию «государственной поисковой системы».

Забавно, что в октябре 2013 года, когда создавалась структура ООО «Спутник», размер государственных инвестиций оценивался в прессе в долларах и — сюрприз! — составлял 20 миллионов! То есть мало того что бюджет крохотный для столь грандиозной инициативы, так еще и умудрились за шесть лет его перерасходовать всего на 30%! Тот, кто знаком с отечественными реалиями, понимает, что именно эта цифра должна педалироваться на каждом углу вплоть до книги рекордов Гиннесса.

Уж не знаю, преднамеренно или умышленно, но в общественном сознании случилась в какой-то момент подмена понятий: все заговорили о «поисковой системе массового потребления», хотя изначально «Спутник» задумывался именно как государственная поисковая система, то есть предназначенная для потребления самими государственными структурами, а также рядовыми гражданами, но опять-таки в контексте их взаимодействия с этими самыми государственными структурами.

Когда вице-президент «Ростелекома» Алексей Басов презентовал Sputnik.ru на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге в 2014 году, он именно эту ее государственную составляющую и акцентировал — как «платформу, ориентированную на социально значимые сервисы, связанные с государством», то есть: поиск по базам лекарственных препаратов, информация о порядке предоставления государственных услуг, в перспективе — создание прямой связки поисковых запросов с Единой системой идентификации и аутентификации.

Собственно, уже при таком ракурсе несложно догадаться, почему «Спутник» имел веские причины для того, чтобы сегодня перепрофилироваться: перечисленные сервисы, завязанные на государстве, более чем успешно оказались реализованными в смежных проектах, в частности на портале «Госуслуги», «Налоги» и проч.

Прежде чем я расскажу читателям об эволюции аморфной субстанции, формально объединенной словом «Спутник», хочу объяснить генезис переживаний общества, связанных с успехом/неуспехом различных государственных инициатив. На мой взгляд, все эти эмоции рождаются исключительно из иллюзии государственной консистентности.

Людям непременно кажется, что государство последовательно в своих действиях, что у него есть некий ПЛАН, некая телеология, видение будущего. Государство-де функционирует в соответствии с этим высоким планом, целенаправленно и методично. Это глубочайшее и горчайшее заблуждение!

У государства в подавляющем большинстве случаев (не только российского — у любого!) нет никакой телеологии. Государство живет сегодняшним, в лучшем случае — завтрашним днем. Все, что делает государство, — это нескончаемый конформизм, подгонка реальности под сиюминутные задачи и цели.

Ситуация усугубляется еще и колоссальным влиянием субъективного фактора в истории, который традиционно игнорируется общественным мнением. Напрасно, надо сказать, игнорируется: стоит копнуть глубже, как обнаруживается, что государственные демарши в большинстве случаев мотивированы не государством как абстрактной сущностью, а чиновником как конкретной личностью.

История со «Спутником» замечательно иллюстрирует как отсутствие консистентности в действиях государства, так и субъективную привязку волевых импульсов к личным интересам имяреков, хотя эти импульсы и мимикрируют под высшую государственную целесообразность.

Идея создания еще одной поисковой системы родилась в 2006 году в недрах софтверной компании «КМ Медиа». Это случилось в те времена, когда Яндекс был никем и звать его было никак. В том смысле, что у нынешнего гиганта не было даже отдаленно статуса русскоязычной поисковой монополии, поэтому логично, что попытать счастья на этом поле мог не только Рамблер, но и любой другой игрок российского интернета.

Итак, первая инкарнация идеи, которую мы сегодня препарируем, не имела под собой никакой государственной подоплеки и исходила из чисто коммерческого интереса: это была попытка оторвать у Google хоть какую-то часть российского рынка поисковых запросов в интернете.

В 2008 году к игре впервые подключилось российское государство. Со своими специфическими мотивациями, навеянными военным конфликтом с Грузией. В тот переломный для всей последующей жизни страны год президенту Медведеву показалось, что иностранные поисковики выдают по запросам пользователей линки на только такие сайты, которые отражают происходящие в Осетии события неправильно. Неправильно в том смысле, что они не соответствуют официальной позиции российской власти. Отсюда и государственная потребность в создании поисковой системы с правильными линками.

В фундамент нового вектора и, соответственно, концептуального переосмысления «Спутника» была положена прозорливая догадка президента Путина о том, что интернет «возник как спецпроект ЦРУ США».

Эта догадка блестяще подтвердилась санкциями со стороны «наших партнеров» и — шире — единодушным осуждением мировым сообществом российской политики. Как следствие, линки, выдаваемые не только американским Google, но и беспринципным Яндексом (какие могут быть принципы у краснопиджачных коммерсов?), опять стали массово выводить на неправильные порталы, выражающие неправильные мнения.

В подобных обстоятельствах необходимость создания правильной поисковой системы, выдающей правильные линки на правильные порталы, отражающие правильную точку зрения, насущно поднялась в самую главу угла.

Пока разработчики «Спутника», чья историческая миссия неожиданно сменилась с культуртрегерской на пропагандистскую, тужились изобрести технику одностороннего отражения реальности для своих несуществующих посетителей, идея национального гетто вырвалась на поистине космические просторы.

Из чуланов истории извлекли национальную компьютерную операционную систему («ГосЛинукс»), национальный ЦПУ («Эльбрус») и национальную офисную программу («Мой офис»). Одновременно с государственной поисковой системой ринулись разрабатывать национальный чат-мессенджер («ТамТам») и национальную банковскую карточную систему («Мир»).

Кульминацией государственного порыва к цифровому апартеиду стала инициатива, исторгнутая из сенатских недр, по построению «Чебурашки» — российского интернета, полностью отрезанного от враждебного внешнего мира.

Парадоксально, но у всей этой истории очень счастливый конец. «Спутник» так и не сумел изобрести технику выхолащивания неправильных мыслей из линков, выдаваемых по пользовательским запросам. Не потому, что это невозможно, а потому, что у поисковика банально не сложилось с самими пользователями.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ,
специально для «Новой»

ОСУЖДЕННЫЕ ЖДАТЬ

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ — ВОТ ЧТО ПЕРЕЖИВАЮТ ЖЕНЫ И ДЕТИ ТЕХ, КОГО ОТПРАВИЛИ НА ЗОНУ. ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО ОТТОРГАЕТ ЭТИ СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНО НЕЗНАЧИМЫЕ

Они разные. На высоченных шпильках спешащие по делам, или в растоптанных балетках, бредущие тяжелой обреченной походкой. Накрашенные и без макияжа, как бы со стертыми лицами. Молодые и не очень, за 50. Дерзкие и неприметные. Смелые, умеющие поставить на место обидчика, и те, кто с вечно испуганным взглядом.

Они разные, эти женщины. При деньгах и в долгах. За рулем (а то и с персональным водителем), и те, кто привык добираться на перекладных.

Носящие Gucci и одетые с китайского рынка. Живущие в хрущевках и в пентхаусах.

Бездетные и с детьми. Выпускницы филфаков, успевшие поучиться в Лондоне, и из путяг. Жесткие и ранимые. Сентиментальные и циничные. Не позволяющие себе мат или, напротив, — на нем говорящие.

Они разные... Но все они ждут. Месяцы и годы. Ждут мужей, сыновей и отцов. И часто пересекаются у окон передач в СИЗО или во время свиданий в колониях.

Они не жены и матери политических — их мужчины сидят в основном по экономическим, наркотическим или бытовым статьям: виновные и невиновные.

Часть этих женщин до случившейся с семьей беды были весьма категоричны: раз попал в тюрьму — значит, было за что, а преступник — дрянь, отброс, кто угодно, но не человек. Другие так не считали, читая посты об особенностях российского следствия и правосудия. Третьи были к этой теме безразличны.

Но объединила их всех, таких разных, именно тюрьма. От кого-то отвернулось окружение, вмиг испарились «друзья» и даже родственники. Рядом с другими остались единицы, самые верные. Тюрьма вообще отличный фильтр, который качественно и быстро удаляет из жизни ненужных и чужих людей.

Кто-то из этих женщин борется, обивая пороги инстанций, а кто-то робко пишет жалобы президенту, наивно полагая, что он их читает. Есть и те, кто просто ждет. Без борьбы.

От отчаяния, усталости, обид и унижений эти женщины иногда ревут в голос. В одиночестве или при детях. Часто скатываются в депрессии, сидят на транквилизаторах и снотворных. Ведь сильных женщин не бывает. Все это вранье. Бывают лишь те, кто вынужден изображать из себя сильную — чтобы выжить, не сойти с ума и поднять детей.

Они беззащитны, все проблемы этих женщин — это их проблемы. Им не выделяют доплат и льгот (тем, кто нуждается), банки не идут им навстречу, чтобы они смогли погасить долги мужей, работодатели стремятся избавиться под любым предлогом, соседи с ними не разговаривают, а детей травят в школах. Они выживают сами. Как могут.

...В редакцию недавно написала Лена Сидорова, молодая домохозяйка из Самары, в прошлом репетитор по английскому. Муж сидит уже три года. «Экономический». О себе и муже Лена рассказала мимоходом, акцент делала на женщинах, которые, как и она, ждут. Таких в стране, писала Лена, легион — жен, матерей, сестер, дочерей. И все сталкиваются с психологическим давлением, дискриминацией, хамством следователей и сотрудников ФСИН, переживают панические атаки и знают, что такое предательство.

«Мы словно изгои. Нет нас», — писала Лена.

В какой-то момент она решила доказать, что они есть. Чтобы не впасть в тяжелую депрессию, окончила школу фотографии. В качестве дипломной работы выбрала тему тюрьмы, решив сделать портреты и монологи знакомых ей женщин — «коллег» по несчастью. Согласились девять человек. Некоторые, правда, не захотели показывать лица, тогда Лена фотографировала их со спины. Другие не хотели фотографироваться и со спины, тогда Сидорова снимала голую стену или какую-то часть тела, например руку. И каждую фотографию Лена сопровождала монологом. Работу назвала «Осужденные ждать».

Я позвонила ей. Бодрый молодой голос, как кажется, успешной женщины. Говорила четко, без эмоций: «Я предоставляла этим женщинам свободу выбора — кадр, в который они могли войти или не войти, войти частично, повернуться к зрителю лицом или нет. Мы все пережили и переживаем социальную смерть. Наша трагедия (заслуженная или нет) — всего лишь сплетня для обывателей. Я видела на выставке, как один мужчина ржал вместе с другом над фотографией женщины, которая не скрывала свое лицо. Он, оказывается, знал ее раньше, но был не в курсе, что ее муж в тюрьме, прочитал монолог и стал кому-то звонить, рассказывать, наслаждаясь «новостью»... Большинству на нас наплевать. Тюрьмой ведь не гордятся, это чаще всего скрывают, как «стыдную болезнь». Мы тащим наши семьи, наших мужей или сыновей, стоим в очередях, собираем передачки, общаемся с ментами, которые не считают нас за людей. И меня всегда возмущало, почему все газеты, все ресурсы пишут только о «политических». Борются за них, общество о них помнит. А как быть с виновными? Если человек виновен, то все — он уже не жилец? У него нет права на ошибку, на ее исправление, на покаяние?»

Мы говорили с Леной об этом почти час. Она разрешила опубликовать на страницах «Новой» свою дипломную работу, что мы и делаем с небольшими сокращениями.

Вера ЧЕЛИЩЕВА,
«Новая»

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Елена СИДОРОВА:
В обществе существует стигматизация тюремной темы, заключенных и их близких. Я снимаю женщин, близкие которых сидят в тюрьме. Они так же осуждены, как и их родные. Но без вины — на ожидание.
Я предоставляю героиням виртуальную трибуну — чтобы сказать, и пространство фотографии — чтобы показать. Это они, а не я решали, на сколько войти в кадр и войти ли вообще. Фотография — это обоюдоострое орудие, которое способно заявить о проблемах и одновременно навлечь их. Важно не то, что на фотографии, а то, чего на ней нет.
Имена некоторых героинь изменены по их просьбе.

Продолжение —
СТРАНИЦЫ 12-13 ⇨

⇦ СТРАНИЦА 11

ОСУЖДЕННЫЕ

Елена СИДОРОВА

ОЛЯ

Муж находится в СИЗО 2,5 года

— Моему мужу сейчас очень тяжело, он два с половиной года заперт в закрытом помещении. <...> Когда его арестовали, я почти не ела полтора месяца, практически не спала. Ходила ночами, молилась. У меня открылась такая любовь к мужу! Внешний мир и людей я первые месяцы просто не замечала. Был только муж. Я была, как оголенный провод, изнутри шел такой рев, крик... Я ездила в СИЗО, возила передачки, обустраивала его быт там, на автомате занималась детьми, где-то их даже не замечала.

Когда через восемь месяцев я стала приходить в себя, то начала пешком ходить, вытаскивать себя. Встаю в пять утра, читаю молитву и прохожу шесть километров. Все эмоции в себе — отдаю их Богу. Ему я рассказываю, как мне тяжело, что я, вот, настолько несовершенна, что обижаюсь на мужа, хотя он не виновен. Да, бывает, я обижаюсь на мужа, но ни в коем случае на него не выливаю. <...> Когда у меня бывают срывы, вот тут и начинается самая тяжесть — борьба с самой собой. У меня никогда не было столько зла внутри. До этого я жила любовью, а теперь увидела в себе зло. Я не хочу злиться на тех, кто посадил мужа в тюрьму, а оно — раз и откуда-то вылезает. Самое страшное для меня в этой ситуации — это встреча с самым плохим в себе, такой я себя не знала.

> «Я НЕ ДУМАЮ О БУДУЩЕМ, КАЖДЫЙ ДЕНЬ ВСТАЮ И ЖИВУ, КАК ЗАНОВО. ОН ЖИВ, ЗДОРОВ — И СЛАВА БОГУ!

Со мной остались только близкие, многие друзья отвернулись. Даже соседи косо смотрят, хотя не знают нюансов дела. Многих я отсекла сама, даже родственников — мне многое стало неинтересно. У меня внутри очень сжатое пространство, мне интересен только муж. Я до сих пор придерживаюсь мнения, что не надо много общаться с внешним миром — им, людям, нет до тебя дела. Они просто спрашивают, как дела, чтобы потом это обсудить с друзьями. Мой муж не виновен, он жил честнее большинства этих людей. Он никогда ни о ком плохого слова не сказал, даже сейчас в тюрьме, даже про тех, из-за кого он там оказался. <...> Я не обижаюсь на них. Это вообще не обида — я просто не хочу тратить время на лишнее. Мы не успеваем за жизнь узнать мужа и детей, зачем мне другие?

От своих детей то, что случилось, я не скрывала с первого дня. Я с детьми это честно обсуждаю. Младшая вообще была дома, когда проводился обыск. Она все это видела, почему я должна эту тему замалчивать? Мы с мужем вырастили хороших детей. Они мне помогают в меру возможностей. Материально мы сильно пострадали, но это не убавляет у меня радости. Ни по чему материальному я не скучаю. Ну нет и нет. Это не больно. Больно то, что муж не виновен, а его засунули в тюрьму. Чувства вины перед детьми нет, я чувствую вину перед мужем: что я не могу ему ничем помочь. Да, понимаю, что это не в моей власти, но вина не уходит. Мне не хватает заботы о нем. Мне не хватает его радости. А все остальное не важно.

Я не думаю о будущем, каждый день встаю и живу, как заново. Он жив, здоров — и слава Богу! Я просто живу и молюсь: «Господи, прошу у Тебя милости, потому что тяжело, реально тяжело, но пусть будет не так, как хочу я, а так, как хочешь Ты».

ЛЕНА, 40 ЛЕТ

Муж отбывает наказание в колонии общего режима

— Моего мужа арестовали 28 июля 2017 года. До этого момента я жила обычной жизнью, как все нормальные люди. У меня была очень непростая жизнь, но это была жизнь. То, что случилось после, жизнью назвать, наверное, нельзя. Я постоянно задавалась вопросом: «Почему я, за что?» Мне важно понимать логику событий. Если эту логику я не вижу, то не могу идти дальше. Я не могу понять урок, который дает мне Бог, и я не могу его принять просто потому, что так надо. Кому надо? Почему это отразилось на мне и на моем ребенке? Поэтому у меня есть обида на мужа: он виноват в том, что мой ребенок в 14 лет узнал, что такое тюрьма. Первое время я была очень на него зла. Потом вроде прошло, но иногда накатывает. Мне кажется, он для меня всегда будет виноват.

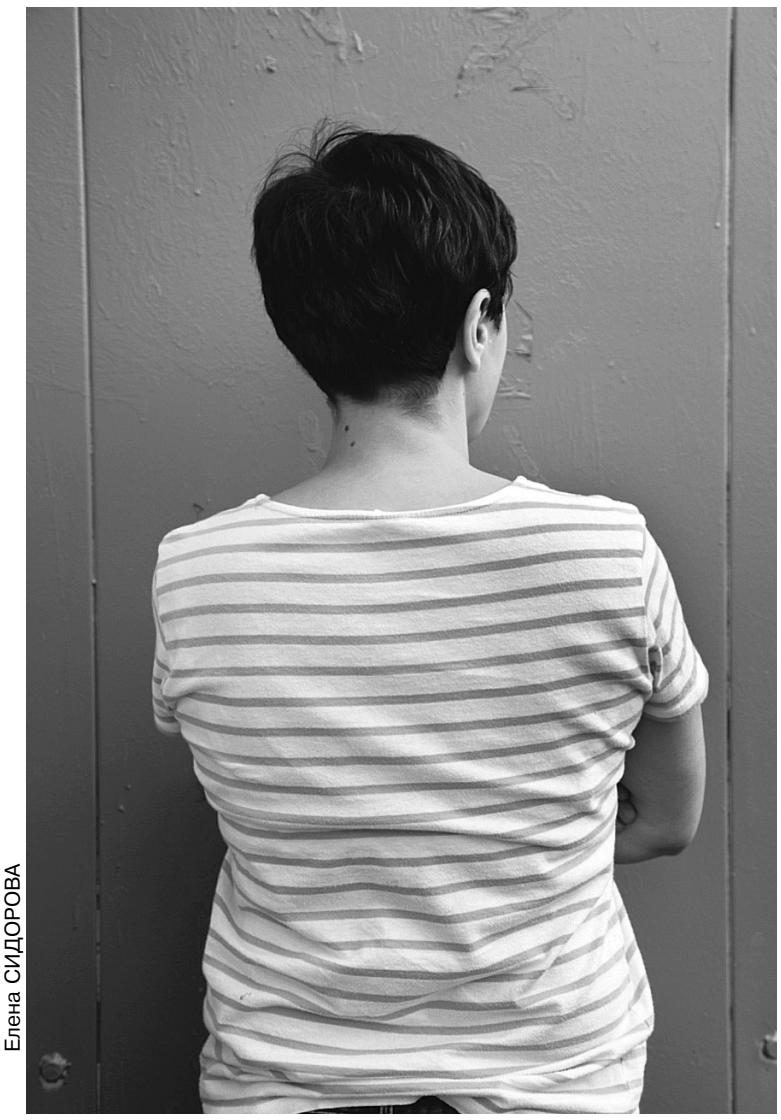
Мне стыдно, я не разговариваю об этой ситуации. Знают только мои друзья. Знают знакомые, но это не я им рассказала, просто эта история как сплетня — она ширится. Я не говорю своим родственникам. Тяжело встречать людей и видеть в их глазах показное сочувствие и страстное желание узнать подробности. Люди — стервятники, им тебя не жалко. Наверное, мне было бы не стыдно в единственном случае, если бы мой муж сидел по политической статье. Чувство стыда всегда всплывает, когда я об этом думаю, когда я об этом говорю, потому что сам факт нахождения в тюрьме для меня ненормален. Не важно, виновен человек или нет.

Друзья восприняли эту ситуацию абсолютно нормально, они мне помогали и помогают. Но это же очень длинный марафон, который длится годами. Тебе-то самой тяжело, потому что в этой ситуации есть разные психологические стадии. А у людей своя жизнь, они погружаются в нее. Требовать от них, чтоб тебя понимали, бессмысленно, потому что понять тебя может только человек, который это сам прошел. Когда люди узнают, что мужу осталось сидеть меньше года, все поголовно говорят: «Как быстро время прошло!» Меня это бесит: чужие дети быстро растут. А для меня эти годы как один очень длинный день, в котором ничего не меняется. Что бы я ни делала, у меня все завязано на тюрьму. Жизни нет.

Первый раз, когда я пошла в СИЗО, я была очень растеряна, что-то типа ступора. В очередях всегда все помогают, ведь ты приходишь — нет листков, бланков, нет ручек. Ты не знаешь ничего. И люди начинают тебя сразу же опекать, потом ты уже свой опыт дальше передаешь, такая дорога жизни. Сейчас все намного спокойнее. Тюрьма это, конечно, неприятно, но везде люди живут, как говорится, «тюрьма для людей строилась». На длительных свиданиях (они длятся трое суток) вообще отдыхаю — и душой, и телом.

Моя жизнь изменилась кардинально. Материально, конечно, я очень сильно пострадала, потому что я не работала, но эта проблема для меня оказалась не самой большой. А так, живу и живу, чаще одним днем. О прошлом стараюсь не думать — слишком болезненно, о будущем тоже: нафантазируешь себе, намечтаешь, что муж пораньше выйдет, а потом раз и отказ. От этого только хуже. Я не скажу, что я несчастна, но и счастливой назвать себя тоже не могу. Я словно в каком-то зале ожидания: и жить здесь невозможно, и уехать некуда — поезда все нет.

Когда муж выйдет, у меня будет абсолютно другая жизнь, возможно, уедем из города или страны. Ведь тюрьма, как это ни парадоксально, дает свободу. Чем меня еще можно напугать? Здесь все разрушено, поэтому можно ткнуть пальцем в карту мира и уехать, куда пожелаешь. Еще я поняла, насколько у любого человека мало времени. Я больше не буду его тратить на то, что мне неинтересно и что сейчас в обществе считается благом: шмотки, соцсети, кето-диеты всякие, социальный успех.



Елена СИДОРОВА

ЖДАТЬ

МАРИНА, 59 ЛЕТ

Сын отбывает заключение в колонии общего режима

— Я никому не говорю, что сын сидит. А толку? Во-первых, это мое личное дело, а огласка — зачем? <...> Даже родственники не знают.

Сын через 10 дней освобождается, слава богу, это закончится! Эти передачки выматывают, унижение вот это около «кормушки» стоять, швыряют, оскорбляют <...>. Лишний раз с ними не споришь, хотя хочется ответить. Когда передачки ношу — всегда трясет. Хоть стакан водки выпивай после каждого посещения. Сколько раз ходила — всегда переживала. Если всю передачку приняли без замечаний — праздник. Менты они и есть менты, они же считают, что с ними такого не случится. <...> А к нам относятся как к собакам. Взгляд неприятный, как будто шарят по твоему телу. Ты для них не человек, а преступник только потому, что твой близкий сидит. <...>

Первую ночь после суда я просто проревела. Муж у меня непутевый, все на мне. Сказал только: «Что случилось — то случилось». А потом вообще запил. В беде люди обычно объединяются, а тут... Помогает только в качестве носильщика: передачки тащить. Мы разведены, но ему жить негде, и он никуда не уходит. Я думала, что муж будет поддержкой в этой ситуации, а получилось наоборот. Ругает меня за то, что я ношу сыну передачки, пусть крутится, как хочет, говорит.

На сына обиды нет. Вот если бы это случилось с мужем. А на сына какая обида? Я помню, как он меня всегда защищал от пьяных закидонов отца. Я не хочу, чтобы сын возвращался в этот кошмар. Надеюсь, что сын придет, с ним поговорит, и он все-таки уедет. <...>

Когда все это случилось, я обвинила мужа: ты виноват в том, что случилось с нашим сыном. И виновата я. В том, что вовремя не ушла. Да, я себя считаю виноватой. Может быть, если бы я ушла, и прекратился бы этот кошмар, то сын бы знал: раз человек пьет, надо уходить <...>.

Сестре своей ничего не рассказываю — не хочу. Жалею ее нервы — чем мне она поможет? Да и стыдно мне. Никогда не думала, что с моим сыном может такое случиться. Подругам тоже ничего не сказала. Мне нелегко дается разговаривать на эту тему. Думаю, вот сейчас соберусь и расскажу, но не рассказываю. Когда хочется поговорить, дневник пишу, только там все сумбурно. Радостей не осталось, я разучилась смеяться. Вообще я хочу сейчас жить только для сына. А для себя я не умею жить. Я взвалила на себя воз и везу его до сих пор. Только о внуках мечтаю, посвящу себя им.

В день освобождения сына буду работать, встречать не буду, друзья будут. Дома наговоримся, торт ему его любимый испеку. Вот сын выйдет, и новая жизнь у нас будет. Лишь бы мой нам не мешал.

Елена СИДОРОВА

СВЕТЛАНА

Муж находится в СИЗО около года

Елена СИДОРОВА

СЕЙЧАС НЕ ИМЕЮ ПРАВА ДАЖЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СЛАБОЙ

— К моменту ареста у нас уже некоторое время шло уголовное дело, муж уехал на очередной допрос и не вернулся. Адвокат позвонил и сообщил, что его заключили под стражу. Первое чувство — шок, а потом сразу собранность, осознание, что надо что-то делать. Первый месяц я все равно не верила, что он так и останется в СИЗО. На каждом суде по «продлению» надеялась, что мужа переведут под домашний арест. После третьего такого суда надежда растаяла окончательно, и я поняла, что это надолго.

Первую ночь после ареста я практически не спала. Только к шести утра до меня начало доходить, что он у меня *там*, что у него ничего с собой нет. Я хаотично начала собирать первую передачку. Никогда не забуду: взвешиваю носки и нижнее белье на кухонных весах (вес передачки ограничен), а у меня слезы текут: «Что я здесь делаю?! Что я на весы кладу?! Вместо привычного яблока я на весы кладу носки!» Я вообще не знала, что их можно взвешивать! Сейчас езжу в СИЗО совершенно спокойно. «Человек ко всему привыкает» — это действительно так.

Я «сижу» вместе с моим мужем. Моя жизнь крутится вокруг тюрьмы. Я считаю это логичным. Если он родной тебе человек, ты не можешь жить своей жизнью.

Стыдно ли мне? Очень сложный вопрос. С одной стороны, мне все равно, что обо мне думают, я с первого дня не «закрывалась», не боялась об этом говорить. Новость про наши неприятности быстро разошлась среди знакомых. Если бы была возможность это скрыть, то я бы никому не рассказывала — это не та новость, которой хочется делиться. С другой стороны, конечно, мне это очень неприятно. Мне бы хотелось, чтобы мою семью обсуждали не в этом ключе. Для меня тюрьма — это позор, это след на всю жизнь. Это шлейф, который будет за нами всегда тянуться. Это уже часть биографии, причем всей нашей семьи, к сожалению.

Я не считаю, что мой муж виновен, но обида на него есть: как он мог не просчитать все варианты, сделать все, чтоб там не оказаться. Это было в его силах. Не хочу с этим чувством бороться — есть и есть. В любом случае я буду мужа ждать и заботиться о нем.

Старший сын в курсе всей ситуации, относится с пониманием, отца очень любит и сильно ждет. Младшему сыну говорю, что папа в командировке. Я сделаю все, чтоб он услышал слово «тюрьма» как можно позже. Он очень скучает. Много-много месяцев каждый день спрашивал: «Когда приедет папа?» Бывали дни, когда не могла сдержаться: иду, а у меня слезы текут, переодеваю его, а они текут, просто на него смотрю — текут. Сын смотрит на меня и говорит: «Мамочка, ну не плачь, пожалуйста, папа же все равно вернется». Меня гложет, что я не смогла обеспечить детям, особенно младшему, счастливое детство. Просто съедает денно и нощно. Иногда младший меня спрашивает: «Мамочка, а сколько дней уже нет папы?» Я ему отвечаю, ну допустим, больше трехсот (его сейчас вообще цифры увлекают, он все считает). Ты можешь в этот момент просто сидеть, его кормить, может, ты вообще забыла на пару часов об этой ситуации, и тут этот вопрос. И я все вспоминаю, меня как обухом по голове. Когда накатит, я проплачусь, и мне легче становится. Дети отвлекают, заботы о них. Но я постоянно ощущаю, что я — несчастный человек.

Что я научилась делать? ВСЕ! Кому-то покажется элементарным, но я не умела снимать показания со счетчиков, квитанции заполнять. Всему научилась, даже снег чищу. У меня появилось чувство, что меня теперь ничем не убить. Я чувствую себя сильной. Я завязала себя в узел практически сразу. Возможно, я почувствую себя слабой, когда его развяжу. А сейчас не имею права даже чувствовать себя слабой. Материально я очень пострадала, я считаю каждую копейку. Помогают мне только родители-пенсионеры, я совсем одна. Если говорить про социум, я не ощутила поддержки, ни моральной, ни материальной, мое несчастье восприняли как сплетню. И это меня все-таки задело.

Для меня и сейчас и тогда тюрьма — это страшное место, так просто туда не попадают. Может, поэтому мне и стыдно, потому что это — позор. Я постоянно задаю вопрос: за что со мной это случилось? Но ответа нет. Я верующая, я понимаю, что его не надо задавать, это грешно, неправильно, но я задаю. Ладно, муж. А я за что? Может, за каких-нибудь своих дедушек-бабушек карму отрабатываю.

Я очень надеюсь, что все-таки моя ситуация каким-то чудом благополучно разрешится. Понимаю, что, если этого не случится, для меня это будет ударом. А вдруг мои мечты осуществятся? Ну а нет — время пройдет, что-то к тому моменту изменится. Вообще, я стараюсь об этом не думать — пусть все придет в свое время.

СТРАНИЦЫ 14-15 ⇨

⇦ СТРАНИЦЫ 12–13

ОСУЖДЕННЫЕ ЖДАТЬ

Елена СИДОРОВА

КАТЯ, 35 ЛЕТ

Муж находится в СИЗО 1,5 года

— Мужа арестовали 27 ноября 2018 года. Все это случилось абсолютно неожиданно. В тот день я не могла до него дозвониться. Он уехал по делам, в обед еще уехал, и все нет... Стук в дверь, думаю: «Ба! Ключи, что ли, забыл?» Открываю дверь — заходят. Я юрист, я сразу все поняла, и все последствия тоже. Я понимала, что срок будет.

Его сдал лучший друг, который обратился за помощью. Сел в машину, положил деньги в дверцу. В тот день, когда это случилось, я позвонила жене того друга. Она говорит: «Катя, мужа арестовали, я не знаю, что делать». Я рванула к ней, ей помочь. Я нашла им адвоката. Два дня мы общались, а на суде, на котором избиралась мера пресечения, я поняла, что это ее муж моего сдал. Мы поехали на суд вместе, на моей машине, и тут я понимаю: моего закрывают, а того отпускают. Я подъезжаю к ним на машине, открываю окно (а у меня в машине оставались ее вещи), выкидываю эти вещи на асфальт и говорю: «Пошли вы на...!» Я не знаю, поняла она, что ее муж дал против моего показания, или нет. В тот момент она, наверное, думала только о себе. Я ей говорю: «Так он СДАЛ!» А муж ее рядом стоит и молчит. Никаких «прости» я так и не услышала. Мы очень близко общались, ходили друг другу в гости, вместе отдыхали. Я понимаю, что у всех своя правда, но моя правда в том, что мой муж в тюрьме, а этот дома сидит, гуляет, ходит по магазинам. Я однажды вечером ехала, смотрю, они с женой идут с друзьями, ржут, у меня забрало упало — хотелось их переехать. Муж говорит: «Прости и отпусти», а я не могу. Полтора года спустя не могу. Возможно, мне комфортнее, что есть, кого винить. Возможно, я все равно до конца не беру ответственность за наши с мужем поступки. Воспринимая бывшего друга как причину наших бед, я частично перекладываю ответственность на него.

В первую ночь не могла дома ночевать, потому что я приходила в ужас от того, что я буду находиться в НАШЕЙ квартире одна! Я не знала, что мне делать, куда бежать, к кому. Все было: и растерянность, и страх, и чувство беспомощности, страх неизвестности, что будет с моим мужем, ощущение, что я ему не могу помочь. Еще и потому, что не знала, на что жить дальше. Я понимала, что мне надо содержать сына, мужа, платить за ипотеку. Я маниакально думала, где мне взять деньги. Семь месяцев нам не давали свиданий. Только на судах по продлению его и видела. Муж держался спокойно, наоборот, меня успокаивал. Он переживал не за себя, а за меня. Я понимала, что, если я опущу руки, я мужу никак не помогу. Я ему эмоционально нужна.

Я звонила его подчиненным, никто трубки не брал, было указание со мной не общаться. С кем я работала — тоже не ответили. Только моя подруга, которая в свое время была у меня в подчинении, взяла трубку. Не побоялась. Она мне и помогала все это время. Я, конечно, была в шоке — ладно его подчиненные, но мои коллеги?! Среди которых моя подруга, с которой мы дружили десять лет. Я сразу их отрезала от себя после этого. Я благодарна за эту ситуацию, потому что все проявились, кто чего стоит. Как лакмусовая бумажка.

Сыну (ему восемь) не говорю, что случилось. На все вопросы отвечаю: «Уехал в командировку». Сын возмущается: почему так надолго. На меня легли все функции: и мужские, и женские. Бегала, закупала кучу продуктов, потому что не знала, что можно передавать, что нельзя. Эти мешки, эти бланки, которые надо для передачки заполнить. Это, конечно, было стрессово. Первое посещение СИЗО — это вообще был треш. Я люблю чистоту, я не привыкла к грязным решеткам. До сих пор помню, как открывала двери, стараясь их не касаться. Я сейчас не воспринимаю передачки, посещение тюрьмы как какой-то подвиг. Я эмоционально успокоилась, не истерю, как раньше.

Спокойствие пришло примерно через год после ареста. Жизнь не остановилась, я устроилась на работу, обучилась энергетическому массажу. Я понимала, что мне надо двигаться дальше, потому что, когда я просто сидела одна, только и думала о муже. Изучаю психологию, хожу на йогу, можно сказать, что меня йога спасла.

Я не рассказываю на работе, что муж в тюрьме. Это мое личное, а я не всем могу доверить личное. Плюс это может плохо отразиться на мне: люди вообще довольно консервативны и могут неправильно воспринять ситуацию.

Некоторое время у меня было чувство обиды на мужа, твердила: «Как ты мог не догадаться, не понять?!» А теперь все прошло. Я перестала спрашивать, за что, почему. Я юрист, мне логически надо обосновать каждое действие, а теперь я пришла к тому, что, как бы это смешно ни звучало, некоторые вещи надо просто принимать. Я плыву по течению, доверяю Вселенной. Я начала больше себя ценить, свое время, я больше не буду его тратить на людей, с которыми мне не по пути. Я начала себя любить. Эта ситуация дается не только тем, кто в тюрьме, но и нам, чтобы мы проявились как люди. Я готова ко всему. Меня спрашивают: дадут ему восемь лет, будешь ждать? Я буду ждать. Хоть пятнадцать. Я его очень люблю. Мой муж для меня опора даже в тюрьме.

Елена СИДОРОВА

ДАРЕНА, 16 ЛЕТ

Отец отбывал наказание в колонии общего режима

— Я никогда не думала, что это произойдет с нашей семьей. Это было страшно, я очень долго не могла это принять, много плакала. Мы с мамой, конечно, обсуждали то, что произошло. Она говорила: «Все что ни делается, все к лучшему», но мне эти слова не помогали. От друзей ничего не скрывала, но вообще-то старалась об этом не говорить, потому что, как только об этом заходила речь — у меня сразу слезы. Начались проблемы с кожей. Но больше всего было жалко бабушку — она очень сильно переживала.

Самое сложное для меня в этой ситуации было отвечать папе на письма. Я не могла подобрать слова, не знала, что написать. Было проще просто отвечать на его вопросы. До сих пор держу их в комнате, но не перечитываю — не хочу.

Я не думала о том, что он в тюрьме, каждую минуту, но когда об этом вспоминала, то долго не могла от этих мыслей отвязаться. Я очень много думала об этом перед сном каждый день. Почему так? Почему мы? Почему папа? Я так и не ответила на эти вопросы. Я до сих пор не поняла. Когда он освободился, мы не обсуждали эту тему. Мы вообще не вспоминаем об этом. Прошло и прошло. Единственный вывод, который я из всего сделала: все остальные проблемы пустяк, мы не так уж плохо живем.

САМОЕ СЛОЖНОЕ ДЛЯ МЕНЯ БЫЛО ОТВЕЧАТЬ ПАПЕ НА ПИСЬМА

МАША

Муж отбывает заключение

— Я бывший сотрудник. Мне в страшном сне не могло привидеться, что кто-то в моей семье не то что сядет, а хотя бы каким-нибудь боком этого коснется. Я верила системе, если бы не верила — не смогла бы в ней работать. Раньше тюрьма для меня была позором, а теперь — горем. Мне казалось: если туда попал, значит, по-любому, виноват. Когда ты «под погонами», тебе кажется, что ты никогда по ту сторону не окажешься. Что расстояние между полицией и заключенными огромно. Рухнули мои идеалы, все то, чему отданы лучшие годы жизни.

Приговор мужу был неожиданностью. У меня была внутренняя уверенность, что наш суд все-таки справедлив. Оказалось, что понятие «справедливость» и «закон» в нашей стране не одно и то же. Система перемалывает людей: судьи, которые не хотят разбираться, прокуроры, которые все видят, но штампуют эти бумажки. Хочется сказать, откуда ты знаешь, где ты сам или твои родственники окажутся завтра? Более того, я считаю, даже если человек виноват, все равно должны быть человеческие условия содержания. Это же не концлагерь!

От сумы и от тюрьмы не зарекайся. Раньше я говорила: «Не со мной». Если я пересекалась с людьми, которые отсидели, то я с ними не общалась, это был не мой круг. Это западло. А сейчас мы братишки-сестренки, мы сидим в одной очереди в тюрьме, сигареты заворачиваем, продукты упаковываем, помогаем друг другу. Недавно таджик приходит, он уже отсидел, другу своему передачку принес. По-русски писать не умеет, я ему помогаю бланки заполнять. Думаю: «Кто бы мог подумать: я нахожусь в тюрьме, пишу за зэка другому зэку! Что за кино?!» Я понимаю, что в этих людях человеческого больше. Приехала бабуля из Оренбурга с первой электричкой, так этот таджик ей достал, не знаю, откуда, стул, говорит: «Мать, садись», налил чай из термоса. А те, кто на джипах приезжает, — пальцы гнут. Я все думаю: где человеческого больше?

С моими знакомыми из полиции я практически не общаюсь, они от меня отвернулись, есть такой момент — «порочащие связи». Меня спрашивали: «Зачем тебе это нужно? Что, нормальных мужиков нет? Неужели будешь ждать? А если десять лет дадут?» Я отвечала: «Буду. Как по-другому?» Мне говорили: «Это очень много, ты понимаешь, что он оттуда нормальным не вернется?» Но я здесь тоже за десять лет, наверное, нормальной не останусь.

Я далеко не всем про себя рассказываю. Говорят, счастье любит тишину — горе тоже. Мне не нужны жалость или сочувствие, я при руках и ногах. Мне не хватает уважения. Я почувствовала, что такое «жена зэка». Когда передачку привозишь — ты не человек для системы. Ты виновата. Жена? Недосмотрела. Мать? Значит, ты воспитала такого ублюдка, который тут сидит и наши налоги проедает. Пусть страдают, пусть мучаются, чтоб неповадно было. Для детей это будет часть биографии, это осложнит их карьеру. Получается, что сын за отца отвечает. Обидно.

У меня есть ощущение, что я сижу со своим мужем, только у себя дома. Это внутренняя тюрьма, внутренняя несвобода. Да, я гуляю, я чем-то занимаюсь, но без него все это не радует. Пока я не приняла эту ситуацию, я была в аду. Девять месяцев я практически не спала, не ела. Я носила его крест, я ходила в его вещах, пользовалась его туалетной водой, если отправляла ему овсянку, то ела ту же овсянку. Я проживала его жизнь. Половину меня оторвали. Осталось чувство бессилия. Борюсь с ним. Хожу в храм, взяла собаку из приюта, занимаюсь ребенком. Убегаю в книги — это мой гипс на душу, когда ты сбегаешь в чужую жизнь, «живу заботами чужими, чтобы своих не видеть и не знать».

Когда муж выйдет, я хочу жить обычной жизнью со своей новой гражданской позицией: я больше не офицер, я просто женщина, которую не перемолотила машина, но которая поняла, что система защищает только одну сторону, только своих. Раньше скажи мне: «Маш, ты трус?», я скажу: «Нет». А сейчас скажу: «Да». Я понимаю теперь, что я слабая, раньше я была частью системы, она давала мне чувство уверенности, защищенности. <...> Мое доверие надо было заслужить, а сейчас я открыта — пусть уж лучше меня обманут. Быть открытым тяжело, но я это осознанно выбираю, иначе эту ситуацию не поучилось бы пережить. Слабость это сила. А если кто-то от меня отвернется, ну что ж, мы все делаем выбор. Я все понимаю, потому что я была в той шкуре, я была и по ту сторону.

Елена СИДОРОВА

> Я БОЛЬШЕ НЕ ОФИЦЕР, Я ПРОСТО ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ НЕ ПЕРЕМОЛОТИЛА МАШИНА, НО КОТОРАЯ ПОНЯЛА, ЧТО СИСТЕМА ЗАЩИЩАЕТ ТОЛЬКО СВОИХ. Я СИЖУ СО СВОИМ МУЖЕМ, ТОЛЬКО У СЕБЯ ДОМА

Елена СИДОРОВА

ЛЕНА, 40 ЛЕТ

Муж отбывает наказание в колонии общего режима

— Я тюрьму воспринимаю как просто отрезок жизни, который должен пройти. Мне не стыдно — это может случиться абсолютно с каждым. В мою жизнь это вошло значительно раньше ареста и приговора — когда возбудили уголовные дела, все эти обыски, следствие. Арест логично из всего этого вытекал. Несколько лет жили в стрессе. Муж в депрессии, а тебе приходится все на себе тащить. Там уже и отношения стали портиться. Он спал до трех часов дня, а я в это время и там, и там работала, покупала ему даже и пиво, и сигареты.

Раньше я была помягче, эта ситуация меня изменила — я к себе пришла. Я стала не жестче, а просто стала больше слушать себя. Перестала по мелочам тратить свои нервные клетки. Такая закалка! И когда люди кричат: ах, ах, у меня ПМС, я думаю: ну-ну.

Я считаю: вся эта ситуация пошла во благо, по крайней мере, муж перестал пить. Пил много и всегда. Мы с ним двадцать лет, сыну шестнадцать. Он хороший человек, добрый, отзывчивый, просто алкоголь все тащит за собой. Занялся йогой, которую я практикую уже 10 лет. Он и раньше искал точку опоры, но силы характера, наверное, не хватало. Да, он заплатил дорогую цену, но мы не знаем, как оно бы обернулось, если бы это не случилось. Во-первых, это сохранило брак, однозначно. У нас шло к разводу, семимильными шагами. А сейчас... надежда, не надежда, но, по крайней мере, он уже другой точно. Но у меня появилось четкое понимание, на что я в отношениях больше не пойду. Я по его правилам, как раньше, играть не буду. Я не хочу терпеть каждый вечер пиво с рыбой, чтобы ребенок этот алкоголь видел. Я и раньше все это ему говорила, но, во-первых, жили в его квартире, да и вообще — «плохонький да свой». А сейчас я с этой точкой зрения вообще не согласна. Я понимаю, что я все могу сама. И даже лучше. <...>

Когда муж вернется, будет заниматься бизнесом. Я не считаю, что срок — это клеймо: бизнес-среда уже вся на тридцать процентов пересидевшая. Опасаюсь только за его здоровье, с ним у него все плохо. Выйдет он однозначно полуинвалидом. Но не знаю другого: впишется ли он в мою жизнь. У меня налаженный быт. Муж говорит: если хочешь уходить, уходи сейчас. Потому что потом, когда я выйду, я тебя не отпущу. По мужу не скучаю. Ну иногда. Возможно, это защитная реакция психики. Обиды на него тоже нет. Если он и чувствует себя виноватым, то я не хотела бы, чтобы он у меня прощение просил, потому что прощение обязывает к состраданию, оно вообще обязывает.

Я не задаю себе вопрос, за что и почему я. Это урок, это карма: ты же не знаешь, что ты делал в прошлой жизни. Мы не знаем, что было бы, если бы не было тюрьмы. Могло бы случиться что-то похуже... <...>

Я не совсем люблю всем эту ситуацию пересказывать, объяснять виноват-не виноват. Близкие друзья помогают, а случайным людям до этого дела нет, сейчас всем тяжело, все озабочены собой. Это только нам кажется, что всем это так интересно. В тюрьме, в этих очередях я чувствую себя абсолютно нормально. На меня сотрудники никогда не орут. Это все ерунда — не надо внутренне разрешать на себя кричать. Я не реагирую, я же понимаю, что это несчастные люди. Что, я буду вступать в какой-то диалог? Где я, где они? На длительные свидания приношу коврик, йогой занимаюсь. Мне кажется, у них в тюрьме больше осталось настоящего, чем в нашем мире. А передачки для заключенных собирать одно удовольствие. Я чувствую, что я что-то делаю полезное. Для меня это ритуал, я представляю, что они там сидят голодные, и тут я еду передала.

Жизнь не закончилась, это не конечная точка.

Автор проекта **Елена СИДОРОВА**

под лупой

«БАСТРЫКИНА В ВОЛЬТЕРЫ ДАМ!»

В Следственном комитете создано спецподразделение по борьбе с фальсификацией истории

Дивная новость прилетела с сайта Следственного комитета России.

Там создали отделение по расследованию преступлений, «связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории Отечества».

Отделение займется поиском виновных в преступлениях, совершенных в годы Великой Отечественной войны, а также «предотвращением искажения исторических фактов», сказано в сообщении на сайте. Задача, прямо скажем, претенциозная, Эйхманы в своих Парагваях трепещут.

Но почему-то мне кажется, что основные усилия нового отделения будут приложены не к поиску бывших нацистских палачей (самому молодому из выживших — далеко за девяносто лет!) Много есть, знаете ли, куда приложить немеряные силы и без нацистских палачей (кстати, сталинских хотя бы назвать не попробуете?). А вот «предотвращение искажения исторических фактов» — дело у нас, как никакое другое, благодарное и нетрудоемкое.

Этот день мы приближали как могли.

Первые попытки внести в Госдуму законопроект против «отрицания победы СССР во Второй мировой войне» относятся еще к 2009 году. Удивительная, как тогда многим показалось, инициатива тогдашнего министра по чрезвычайным ситуациям Шойгу — принять соответствующий закон и беспощадно штрафовать и сажать, согласно ему, — вызвала шквал вполне единодушных оценок. Даже Александр Андреевич Проханов, который, кажется, за долгие годы не дал нормальному человеку ни единого повода, чтоб нормальный человек с ним, Прохановым, хоть в чем-нибудь согласился, в виде исключения произнес вещь бесспорную: «Мне казалось, — сказал Проханов на «Эхе Москвы», — что Шойгу должен сделать все для того, чтобы оставшиеся в живых ветераны Великой Отечественной войны не сгорали пачками в домах для престарелых. И этим бы самым он внес вклад в нашу победу спустя столько лет...»

В общем, в 2009-м идея как-то увяла. Обошлись созданием президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Комиссия, несмотря на свой удивительный состав, с задачей не справилась, была осмеяна и быстро распущена.

Но следить за тем, чтобы все помнили, кто победил во Второй мировой войне, очень хотелось.

Молодое поколение будет изучать историю Второй мировой исключительно с точки зрения победителей

Сергей КАРПУХИН / ТАСС

И 27 февраля 2014 года, через месяц после вызвавшего скандал опроса «Дождя» о блокадном Ленинграде, через несколько дней после бегства президента Януковича из Украины, в парламент была внесена новая редакция патриотического законопроекта. Свои подписи под ней поставили 49 депутатов.

«Преступления против мира, военные преступления и преступления против безопасности человечества всегда затрагивают глобальные интересы и представляют угрозу международному миру и безопасности, поэтому введение в российское законодательство, по аналогии с законодательством других стран, ответственности за реабилитацию нацизма как международного преступления обеспечит соблюдение общепризнанных принципов международного права, изложенных в приговоре Нюрнбергского трибунала, которые являются неотъемлемой и необходимой основой современного миропорядка», — говорилось в пояснительной записке.

То есть во главу угла опять же были поставлены «общепризнанные принципы международного права». Как понимающие что к чему сограждане подозревали и опасались.

Подозрения стали стремительно подтверждаться.

Одним из первых виновным «в публичном отрицании решений Нюрнбергского процесса» признали пермяка Владимира Лузгина. Обвинение указывало на наличие в статье, которую перепостил Лузгин, «ложных сведений о роли СССР во Второй мировой войне», выразившихся в упоминании о сговоре с фашистской Германией. Лузгин настаивал, что о секретном приложении к пакту Молотова–Риббентропа и вводе советских войск в 1939 году в Польшу узнал на уроках истории в школе, которую закончил в 1995 году. Но его все равно приговорили к штрафу в 200 тысяч рублей.

«Под действие этой статьи можно подвести очень многое, — считает адвокат Виктор Наумов. — Те положения, которые в 90-е годы преподавалось у нас в школах, сейчас подпадают под определение «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Статья настолько размытая, что любые слова о сговоре Гитлера и Сталина могут стать причиной уголовного преследования. Так же будут расценены и любые высказывания, отождествляющие сталинский и гитлеровский режимы...»

Приговор Лузгину устоял и в областном суде. Сейчас дело в Страсбурге.

Героические следователи, не имевшие еще своего исторического подразделения, смело заглядывали в самые темные уголки интернета и всюду выявляли фальсификаторов и экстремистов. Всем должно было быть ясно, что преступления перед исторической правдой легко совершаются и строго караются. На худой конец, тщательно подстегиваемым общественным мнением.

Мальчик из Нового Уренгоя выступил о минувшей войне и своем к ней отношении в германском бундестаге. На мой взгляд, очень хорошо выступил. Но некоторые вполне официальные российские издания не удовлетворились подчеркиванием действительно неловко сказанной фразы о «невинно погибших людях», но и вынесли в заголовки свои собственные интерпретации: «Школьник из РФ извинился за погибших солдат вермахта» и даже употребили слово «покаялся». Хотя он не каялся и не извинялся.

Мальчику с Ямала поставили в вину то, что в своем двухминутном выступлении он не напомнил немецким парламентариям ни о блокадном Ленинграде, ни о пяти тысячах сожженных белорусских деревнях... Велик список того, о чем мальчик не напомнил. Слова не сказал о том же приговоре Нюрнбергского трибунала, не перечислил всех преступлений, совершенных соотечественниками этих парламентариев, не заклеймил, не вогнал в краску стыда... А ведь ни для чего другого, как некоторым кажется, на трибуну бундестага и подниматься не стоило.

Поэтому мальчика, который сказал лишь о том, что сказал, тоже обвинили в «оправдании фашизма». Более того, обозреватель большой газеты опасался, что «в самый ответственный момент встанет такой вот перепрограммированный школьник из Нового Уренгоя и вонзит Родине нож в спину...»

А год назад в Самарской области, в поселке с хорошим названием Управленческий, рядом с ДК «Чайка» находятся обелиск и стела с надписью «Честь и слава воинам, сражавшимся в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Стела была возведена в 1975 году и изображала клинок, разрубающий на части свастику. В прошлом году памятник реконструировали и 8 ноября открыли заново.

Клинок теперь, правда, выглядит более чем странно: он просто воткнут в землю, разрубленную свастику — упразднили. В районной администрации пояснили, что опасаются применения закона, запрещающего нацистскую пропаганду.

Во запугали народ!..

И нечего иронизировать. Будто в состоянии кто-то предсказать, что привидится в (разрубленной!) свастике Следственному комитету, будто мало примеров перед глазами, когда привидевшееся побуждало Следственный комитет к такой бурной деятельности, что памятник сорокапятилетней давности сам побежит каяться.

И, конечно, правы были те, кто предупреждал законодателя о том, что торопливо принятые конъюнктурные законы будут иметь только такой результат и никакого другого. Но наш законодатель, он же думает, что главное — это соответствующий закон принять. А то, что один человек, увидевший (разрубленную!) свастику, фашистом от этого не станет, а другой и безо всякой нехорошей символики дрянь дрянью вырастет, — это в голову не приходит. И никакое специализированное историческое отделение Следкома здесь не поможет.

...Кстати, материалы Нюрнбергского процесса (более сорока томов) изданы у нас только в последние годы — в выдержках, семитомником.

Павел ГУТИОНТОВ,
обозреватель «Новой»

Сейчас в учреждениях ФСИН в Коми содержатся около 6500 человек. Ценная рабочая сила

Валерий МАТЫЦИН / Фотохроника ТАСС

ИГРА В КОСТИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В Коми на освоение титанового месторождения бросят зэков

Четыре года назад, 16 августа, в поселке Микунь близ Сыктывкара открыли странный памятный знак. У входа в женскую колонию № 31 установили мемориальную доску в честь (sic!) 79-летия начала строительства гулаговского лагпункта № 19 «Водоразделлаг — Микуньская». На мраморной плите высечено: «Доска установлена в знак уважения и благодарности первостроителям и сотрудникам — создателям колонии».

Лагпункт, увековеченный благодарными потомками, был частью Усть-Вымского лагеря, который считается одним из самых суровых в ГУЛАГе. Его особенностью было огромное число «политических» — до 55% заключенных были осуждены по 58-й статье (*контрреволюционная деятельность, статья неразрывно связана с таким понятием, как «враг народа», отменена в 1961 году*. — **Ред.**).

Второй отличительной чертой Устьвымлага были экономические успехи: лагерь считался передовым в плане объемов заготовки и переработки древесины. Не секрет, что ГУЛАГ — не только система подавления, но и важная составляющая советской экономики 30–50-х годов. В Республике Коми почти вся крупная промышленность стоит на костях заключенных. По данным историка ГУЛАГа Михаила Рогачева, только через не самый крупный в Коми Воркутлаг до 1960 года прошло более миллиона человек.

Спустя 100 лет ничего взамен наше общество так и не смогло изобрести, а культивируемая ностальгия по советской эстетике позволяет предположить: каторга еще вернется в нашу реальность. И покуда общество не выстрадает морального императива, представлений о добре и зле, не столь радикально расходящихся с общечеловеческими, мы будем вынуждены вновь и вновь возвращаться на этот круг.

Вот свежее сообщение ТАСС: «Правительство Коми, ФСИН России и группа компаний «Руститан» заключили соглашение о взаимодействии при строительстве горно-металлургического комплекса и инфраструктуры для национального горнопромышленного кластера, создаваемого на территории крупнейшего в мире Пижемского месторождения титана, расположенного в Коми».

Это значит, что многочисленное зэковское население по-прежнему лагерного края — Республики Коми — бросят на строительство ГОКа в Усть-Цилемском районе республики. Подано это как благо для самих заключенных: директор ФСИН Калашников заявил, что это поможет осужденным получить во время отсидки профессиональные навыки, а затем остаться на этом же производстве после освобождения, «обрести новые трудовые места, завести семьи и полноценно вернуться к нормальной жизни, приносить пользу». Тоже ничего не изобрел: в Воркуте и окрестностях живы еще бывшие узники ГУЛАГа, которые, не погибнув на строительстве угольных шахт, отсидев не по одному сроку (известно, что волны приговоров в СССР тех лет четко соотносятся с нуждами «народного хозяйства»), оставались там же и после окончания срока.

Известно, что секретные директивы, предписывающие отбывшим срок заключенным оставаться на прежних местах на положении вольнонаемных, издавались дважды. Уехать или сменить работу люди не могли. А многие не уехали и после реабилитации. Потому что 15–25 отсиженных лет для них были большей частью жизни, потому что ехать было некуда. «Зачем мне было отсюда уезжать? Здесь же оказались лучшие театры страны», — уверенно объясняла мне одна из таких бывших узниц крымчанка Анна Крикун, оставшаяся на всю большую жизнь в поселке Воргашор под Воркутой.

Сейчас в учреждениях ФСИН в Коми содержатся около 6500 человек — такие данные дает ведомство. Ценная рабочая сила. Правда, есть нюанс: в Коми адскими темпами растет безработица (за год — в два раза). На начало июня на учете как безработные в республике состояли 16 475 человек. Не думаю, что уровень квалификации заключенных выше. Но об их трудоустройстве на стройку века речь не идет. Почему? Да потому, что зэк на стройке — тройная выгода. Платить можно ничтожно мало (никто не проверит), условия труда — тоже на совести работодателя. И еще один «плюс»: труд заключенных делает стройку максимально закрытой от лишних глаз. А стройка ГОКа в Усть-Цилемском районе может вызвать большое внимание экологов и общественников.

> «ЗЭК НА СТРОЙКЕ — ТРОЙНАЯ ВЫГОДА. ПЛАТИТЬ МОЖНО НИЧТОЖНО МАЛО, УСЛОВИЯ ТРУДА — ТОЖЕ НА СОВЕСТИ РАБОТОДАТЕЛЯ. И ЕЩЕ ОДИН «ПЛЮС»: ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ ДЕЛАЕТ СТРОЙКУ МАКСИМАЛЬНО ЗАКРЫТОЙ ОТ ЛИШНИХ ГЛАЗ

Дело в том, что месторождение углом врезано в Пижемский заказник, вытянутый вдоль бассейна реки Пижма. Краснокнижная флора и фауна, богатая рыбой река. Производство диоксида титана, которое планируют запустить уже в следующем году, может убить реку и заказник.

«Ущерб будет колоссальный, — считает член экологической организации «Комитет спасения Печоры» Александр Чупров. — Высокотоксичные отходы с большой вероятностью будут попадать в Пижму, которая впадает в Печору. Территория месторождения вплотную примыкает к заказнику; если посмотреть на карту, такое ощущение, что кусок заказника просто вырезан. Река заходит на месторождение. Добыча будет вестись открытым способом, то есть построят карьер. Куда пойдут токсичные воды из него?

Разговор о разработке этого месторождения шел давно, но у компании были проблемы с финансированием. А сейчас, после принятия закона о предпринимательстве в Арктической зоне, они активизировались. Думаю, у руководителей «Руститана» появится возможность освоить государственные средства, платить минимальные налоги, вообще делать минимальные отчисления в бюджет. То есть производство становится в разы выгоднее. А раз они используют труд заключенных, точно никакой утечки информации оттуда не будет, ничего нельзя будет проверить и контролировать».

В официальных сообщениях указано, что полная геологоразведка месторождения уже проведена, при этом обнаружены залегания более 40 минералов. Так что вопрос с добычей решен, хотя никаких общественных слушаний по этому поводу жители района не припомнят. По словам Александра Чупрова, сейчас на объекте работ не ведется, однако территория охраняется.

С учетом большого опыта противостояния традиционно весьма активного населения республики разного рода промышленным компаниям, от «Лукойла» до инвесторов Шиеса, можно предположить, что легко компании «Руститан», которая планирует разрабатывать месторождение на Пижме, не будет.

Любопытно, что параллельно в Коми разгорается другой скандал — с добычей золота на территории нацпарка «Югыд ва», анонсированной врио главы республики Владимиром Уйбой. Компания-разработчик зарегистрировала филиал в Инте, которая, как и Усть-Цилемский район, входит в Арктическую зону России. Льготы, предоставленные «арктическим» предприятиям, действительно велики: это, например, вычет из налога на добычу полезных ископаемых в объеме сделанных инвестиций в инфраструктуру, а также в новые обогатительные и перерабатывающие мощности. Законы предусматривают и установление нулевой ставки НДС на перевозку и перевалку грузов, возмещение части страховых взносов, субсидии по кредитам и право прохождения экологической экспертизы одновременно с главгосэкспертизой проекта.

Преференции заполярному крупного бизнесу позволяют ожидать усиления промышленного воздействия на Арктику. Если же к этим льготам прибавится еще и право использовать заключенных, промышленные гиганты получат невиданные возможности, ранее доступные только государству.

В самом деле, если рабский труд в ГУЛАГе использовался государством, то вступивший в силу 1 января закон о создании филиалов колоний-поселений и исправительных центров при крупных предприятиях и стройках позволяет отправлять зэков на работу в интересах частного бизнеса. Организации достаточно лишь заключить договор с исправительным учреждением. Правда, есть нюанс: такое положение противоречит ратифицированной еще СССР в 1956 году международной конвенции № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда». Она запрещает «предписывать, разрешать предписывать принудительный или обязательный труд в пользу частных лиц, компаний или обществ». Но после «обнуленной» Конституции возможно все.

Татьяна БРИЦКАЯ,
соб. корр. «Новой» по Заполярью

ТЯЖЕЛЫЙ

Как живут защитники реликтового леса после самого крупного пожара в истории Утришского заповедника

Большой Утриш — на самом деле совсем небольшой поселок на Черноморском побережье недалеко от Анапы. В конце августа рядом, на территории заповедника, выгорели почти 130 гектаров уникальных можжевелово-фисташковых лесов. Власти Кубани предложили полностью закрыть заповедник для туристов. Защитники леса, поселившиеся на Утрише десятки лет назад, против.

Причал

— Самое главное — возьмите с собой спички, — в шутку говорит водитель такси, высаживая нас на залитом солнце утришском причале.

Отсюда должен отправиться катер, который повезет группу экологов, волонтеров и журналистов к месту пожара. Нас встречает Андрей Баландин, высокий седой мужчина в камуфляжной футболке и брюках. Раньше Андрей Валерьевич служил судебным приставом. Последние 8 лет работает лесничим в анапском подразделении Новороссийского лесничества. Он должен регулярно проводить пешие рейды, тушить костры и следить за уборкой территории. Мешки для мусора Андрей Валерьевич покупает за свои деньги. Иногда на это уходит половина зарплаты. Лесничему платят 15 тысяч рублей в месяц.

Со стороны пляжа к Андрею Валерьевичу подходит турист в плавках, кислотно-оранжевой спортивной водолазке и кепке. Не представившись, с вызовом спрашивает:

— Вы егерь?

— Я лесничий.

— Вы ведете себя по-бандитски, — грубо бросает мужчина. — Стояли люди культурно. Культурно! Вы пришли. Порезали людям палатки, побросали вещи. Что вы прикидываетесь тут?

— Там очень много различных служб, — вежливо объясняет ему волонтер Андрей Юровник. — Андрей Валерьевич работает по пожарам, никого не выгонял. Те, кто выгоняет, это другие службы.

Немного успокоившись, мужчина рассказывает о том, что случилось с ним после пожара. Его палатка стояла в лесу недалеко от поселка.

— Меня зовут Константин. Каждый год сюда приезжаю, всегда спокойно отдыхал, мусор выносил. Позавчера утром встал, поел, сходил искупаться. Вдруг слышу крики. Пришли полицейские, егеря, казаки. Девушку избили плетками. У меня срезана палатка, разбросаны вещи. Если кто-то нарушает — подойдите, оштрафуйте. Иначе что это за дикость? Хотите, чтобы никто сюда вообще не приезжал?

Границы

Утриш — это прозрачное море, дикий галечный пляж, невысокие скалистые горы и несколько тысяч гектаров реликтового леса. Здесь растут единственные в России можжевелово-фисташковые рощи. Тут главный ареал обитания исчезающей черепахи Никольского. Экологи называют это место «сердцем средиземноморских экосистем».

Но о природоохранном статусе этого участка Черноморского побережья экозащитники и чиновники спорят давно. С 1994 года здесь располагался региональный природный заказник «Большой Утриш». Под охраной находились пять тысяч гектаров территории между поселками Сукко и Малый Утриш. Статус заказника подразумевает строгий запрет на охоту, вырубку леса, строительство автомобильных дорог и жилых объектов. Отдых туристов, в отличие от заповедника, разрешается, но лишь в специально отведенных местах.

В 2008 году со стороны Сукко началось строительство противопожарной дороги (заказчик — Департамент лесного хозяйства Краснодарского края). Экологи называли ее строительство незаконным. Протянуть дорогу планировали в район утришских лагун. Экоактивисты выяснили, что эту землю на 49 лет арендовал некоммерческий фонд «Дар». Организация намеревалась построить «физкультурно-оздоровительный комплекс». «На самом деле — роскошную усадьбу с многочисленными строениями и вертолетной площадкой, ради чего планировалось вырубить реликтовый лес», — утверждала «Экологическая вахта по Северному Кавказу».

В 2009 году строительство «противопожарной» дороги было остановлено под давлением общественности.

В 2010 году власти преобразовали часть территории в заповедник, повысив ее природоохранный статус. Но единым природным комплексом он так и не стал. Землю разбили на четыре части, исключив из нее самый ценный, по мнению экологов, район лагун, который так и остался в статусе заказника. Сейчас заповедник занимает 9 тысяч гектаров земельно-лесного фонда и 783 гектара морской акватории, а заказник — около 590 гектаров.

Утришане

Первые туристы, по словам экологов, появились на Абрауском полуострове примерно 40 лет назад. Очень быстро это место облюбовали йоги, нудисты, кришнаиты, хиппи и другие неформальные отдыхающие.

35-летняя художница Татьяна Попова впервые попала на Утриш в 2002 году: «Я приехала сюда после школы. У меня переходный период, неудачная любовь. Взяла этюдник и решила здесь зализывать свои раны, — с улыбкой рассказывает девушка. — То, что я увидела на Утрише, перевернуло мой мир. Я ничего не смогла написать, как ни старалась. Сюда приезжает очень много художников, они красиво передают. Но для себя я решила: нет, мне на это можно только смотреть».

Такие, как Таня, называют себя «истинными утришанами». Одни живут на полуострове круглый год. «Истинные утришане» с пренебрежением относятся к «матрасникам» — туристам, которые отдыхают на полуострове несколько дней и уезжают, оставив после себя груды мусора.

С созданием заповедника все они стали отдыхать рядом на одной территории. И начались небольшие конфликты из-за несоблюдения уклада Утриша.

Уклад

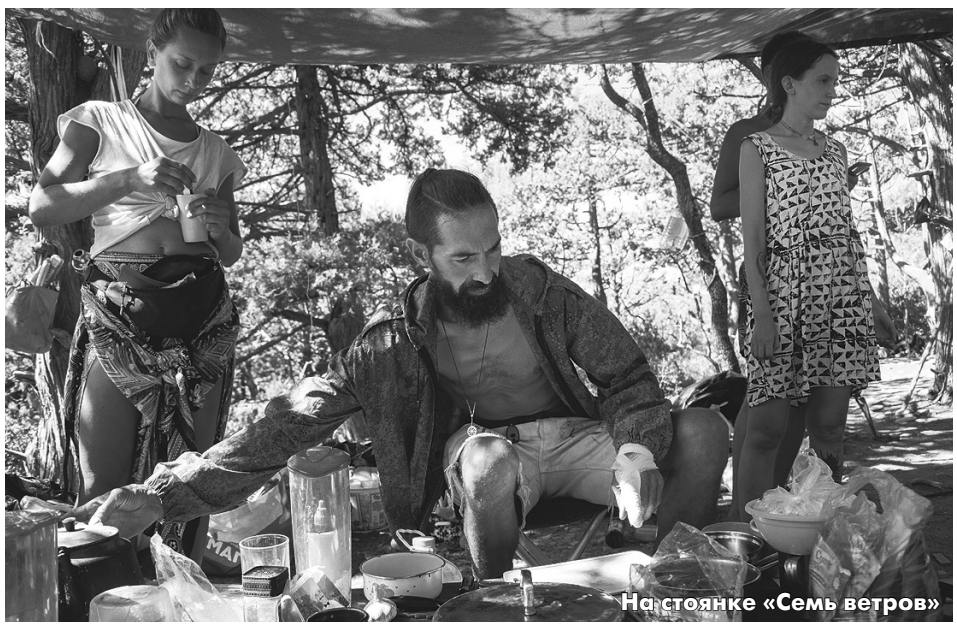
Этим летом в можжевеловом лесу было около 350 стоянок. Стоянка — маленький палаточный лагерь, в каждом в среднем живет по 3–4 человека. Между деревьями развешаны тенты, гамаки, самодельные украшения и ловцы снов. На полуострове нет электричества, мясо здесь хранить тяжело, поэтому еда в основном — вегетарианская. Продукты хранятся в тарах, которые сложно открыть, например, в пятилитровых бутылках («пятишках») из-под питьевой воды. Если хорошенько не спрятать еду, ночью можно ожидать нашествия енотов.

Чем можно заниматься на Утрише? Высыпаться, гулять по лесу, загорать, купаться на нудистском пляже, медитировать, сидя на горячих камнях, ходить на йога-поляну. Утришане учат друг друга массажным практикам, гимнастике, игре на гитаре. В прошлом году сюда приезжала девушка из Франции, которая преподавала французский.

На Утрише действует несколько неписаных правил. Строго запрещено воровать, употреблять тяжелые наркотики и вести себя агрессивно — за это нарушителя могут выгнать с территории заказника. В лесу нельзя ломать деревья, приносить соленую воду (она сушит почву), создавать новые стоянки, прокладывать тропинки и мусорить. Костры — только на береговой линии.

Небольшие пожары, несмотря на правила, в Утрише все же случались. Волонтер

Одна из стоянок на Утрише


На стоянке «Семь ветров»

Теоретическое место начала возгорания

ПЕПЕЛ

Андрей Юровник рассказывает, что несколько лет выбивал для заказника огнетушители и противопожарные ранцы, но вместо них получил от МЧС лопаты и конусные ведра. На скалах они практически непригодны. И утришане выработали свою схему пожаротушения: выстроившись в цепочку, они передают по очереди бутылки с морской водой к месту возгорания.

Так они и спасали лес 24 августа.

Пожар

Отдыхающие обнаружили сизо-бурый дым, поднимавшийся над горами, около 12 часов дня. Сергей Пригарний находился в тот момент на третьей лагуне.

— Я заметил пепел на стуле. Когда поднял голову, увидел, как очень резко идет дым со склона напротив горы Медведь (*территория заповедника*. — **Е. К.**). Затем огонь перешел на гребень горы Кобыла. Был южный ветер, как раз потянуло в сторону заказника, где находились люди.

Первые звонки в экстренные службы начали поступать около 12.20. К этому времени утришане — до 500 человек — выстроились в две цепочки и начали передавать воду наверх, где разгоралось пламя. Позднее служба МЧС заявила, что сообщение о пожаре поступило в 14.25.

Около пяти часов вечера на Утриш стали сбрасывать воду вертолеты. Примерно в это же время к месту катастрофы прибыла группа пожарных и служба МЧС, развернувшая в лесу водяную помпу. Покидать Утриш они начали к восьми вечера — тушить пожар в темное время суток по закону запрещено.

Ночью ветер усилился. Высота пламени в некоторых местах достигала 35 метров.

Утром управление МЧС по Краснодарскому краю отчиталось об эвакуации 350 человек. Однако, по словам очевидцев, никакой помощи спасатели утришанам не оказывали. Ближе к ночи некоторые отдыхающие сами стали покидать лагерь по берегу, боясь угореть, если огонь дойдет до моря. Часть смогла уехать на крошечном катере «Утришонок».

Его капитан Александр Сайфулин — единственный владелец разрешения на ночные перевозки. Запроса на эвакуацию от местных властей он не получал. Чтобы «отбить» расходы на бензин, капитан попросил пассажиров заплатить за проезд символические 300 рублей. На следующий день полиция начала проверку сообщений о якобы «платной эвакуации».

25 августа пожаром вплотную занялась авиация. Всего, по данным МЧС, в тушении приняли участие три вертолета, самолет Ил-76 и самолет-амфибия Бе-200. «Но авиация не могла потушить маленькие очаги. Воду таскали волонтеры, — добавляет Сергей Пригарний. — Ночью началось очень сильное задымление. Много людей получили легкое отравление продуктами горения, хотя спали на берегу».

Официально власти отчитались о ликвидации пожара вечером 26 августа, но тлеющие очаги оставались на Утрише вплоть до прошлых выходных.

Очаг

Волонтер и житель Утриша Арсен Баташев все утро 1 сентября вместе с волонтерами тушил пожар на склонах Кобылы и Медведя. Открытый огонь, по его словам, распространился на 20 квадратных метров. Локализовали его с помощью одной лопаты.

Арсен соглашается показать нам последствия пожара.

Горные склоны, пострадавшие от огня, выглядят как кладбище, только вместо надгробий — черные, обугленные остовы можжевеловых деревьев. Земля усыпана плотным слоем пепла. Пахнет гарью.

К нам присоединяется Лера, 19-летняя девушка-пацанка с белыми «тоннелями» в ушах, в вытянутых пыльных трениках и красной кепке. Лера рассказывает, что ушла из дома в 14 лет из-за семейных проблем и отправилась путешествовать по Черноморскому побережью. По дороге встретила парня с огромным рюкзаком, который и привел ее на Утриш. «Здесь я выросла и повзрослела», — говорит Лера. Сейчас она живет в Петербурге. Узнав о пожаре, уволилась с работы в пекарне и приехала на Утриш автостопом — спасать лес.

— Здесь мозги встают на место, — говорит Лера. — Тебя ничего не сбивает. Биоритмы начинают нормально работать. Просыпаешься: глаза не упираются в соседний дом, в высотку. Нет городского шума. Природа, горы. Люди иногда сюда приезжают, чтобы лечить депрессию.

Подъем занимает у нас около получаса. Где-то приходится идти по отвесной насыпи. Ноги скользят, чтобы удержаться, хватаешься за ветки, уцелевшие от огня. От шагов поднимаются клубы пепла.

Мы на месте, где предположительно начался пожар, — на склоне в районе Базовой щели. На земле — следы от стоянки отдыхающих: палатка, сломанная горелка и трехлитровая банка. Лесничий говорит, что огонь мог образоваться от линзы, а дальше от жара сдетонировали газовые баллончики.

Но утверждать, что это место стало очагом возгорания, из-за масштабов пожара нельзя.

Причины

Единственное, в чем уверены мои собеседники, — пожар произошел по вине человека.

Дирекция заповедника утверждает, что виноваты отдыхающие, пришедшие с заказника, а на их территории нет «неорганизованных туристов». Впрочем, руководство признает, что их территория охраняется не по всему периметру, а аншлаг — уведомление о пересечении границ — висит не на каждом дереве.

«Истинные утришане» склоняются к тому, что виноваты «матрасники», не соблюдающие противопожарные правила.

Но есть и другие версии.

> «ГОРНЫЕ СКЛОНЫ, ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ОГНЯ, ВЫГЛЯДЯТ КАК КЛАДБИЩЕ, ТОЛЬКО ВМЕСТО НАДГРОБИЙ — ЧЕРНЫЕ, ОБУГЛЕННЫЕ ОСТОВЫ МОЖЖЕВЕЛОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Встреча волонтеров с администрацией заповедника

Глава «Экологической вахты Северного Кавказа» Андрей Рудомаха считает, что это был целенаправленный поджог, чтобы убрать людей с территории заказника: «Мы выяснили (*по спутниковым снимкам*. — **Е. К.**), что было как минимум три очага возгорания почти в одно время. Один этот факт говорит о том, что это был не просто пожар по неосторожности. Перелететь [искры] не могли, места очагов достаточно разорваны между собой».

Экологи предполагают, что в этом мог быть заинтересован сам заповедник.

Глэмпинг

В 2018 году президент России Владимир Путин, выступая перед Федеральным собранием, заявил о необходимости сделать доступным экологический туризм. Как подчеркивает дирекция заповедника, именно после этого, через год, на Утрише появился центр экологического просвещения «Жемчужный». Местные называют его глэмпингом.

Глэмпинг — это 10 сборно-разборных палаток на троих, которые находятся на территории первой лагуны, частично принадлежащей заповеднику. Стоимость проживания за две ночи на ближайшие даты в конце сентября составляет 9 тысяч рублей. Всего, по словам руководства заповедника, на охраняемой территории могут постоянно находиться до 30 человек.

В лагере есть общественная зона, гамаки, туалет и теплый душ.

В феврале «Гражданская инициатива против экопреступности» обратилась к министру природных ресурсов и экологии РФ Дмитрию Кобылкину с просьбой проверить финансово-хозяйственную деятельность заповедника. По мнению экоактивистов, организация гостиничных услуг противоречит режиму заповедника и закону об особо охраняемых природных территориях. Ведомство нарушений в работе «Большого Утриша» не нашло.

— Включение новых участков в заповедник — долгий бюрократический процесс, который может растянуться не на один год, а осваивать территорию хочется уже здесь и сейчас. При этом туристы-«дикари» как кость в горле у коммерсантов, желающих видеть на Утрише только «цивилизованный» отдых: с апартаментами, общепитом и развлечениями, — размышляет исполнительный директор «Гражданской инициативы против экопреступности» Дмитрий Шевченко. — Устройство «маленького победоносного пожара» — просто идеальный способ под благим предлогом зачистить быстро территорию от самодеятельных отдыхающих уже прямо сейчас, не дожидаясь, пока изменится статус земель.

Запрет

В 2018 году заповедник запустил процесс по присоединению территории заказника. Тогда же началось расторжение договора с фондом «ДАР», в аренде которого больше 10 лет находились утришские лагуны. Этой весной состоялись общественные слушания, большинство проголосовало за объединение территорий. Проект не одобрили Росрыболовство, Росреестр и правительство Краснодарского края, и работа над ним была приостановлена.

После пожара обсуждение вопроса о границах возобновилось. Губернатор Кубани Вениамин Кондратьев сам выступил за расширение границ заповедника: «Это большая утрата, и подобное не должно повториться. Для этого необходимо обеспечить охрану «Утриша», запретить пребывание там людей, палаточные лагеря, коммерческое строительство».

Продолжение материала Елизаветы КИРПАНОВОЙ —

СТРАНИЦА 20 ⇨

⇦ СТРАНИЦЫ 18–19

ТЯЖЕЛЫЙ ПЕПЕЛ

Собрание

План дальнейших действий утришане обсуждают вечером в штабе между озерами. На собрание пришло около 30 человек, они располагаются вокруг горки камней в центре стоянки. Штаб освещает тусклым светом гирлянда. У воды лают собаки.

Волонтер Роман просит присутствующих записаться в список, чтобы он мог каждому дать задание: тушение оставшихся тлеющих очагов, поднос воды либо уборку территории. Проделанную работу просит фиксировать на камеру для отчетности.

— Теперь не получится сказать «Я буду играть в лагере на барабане» или «У меня есть срочные дела». Если вы находитесь здесь, у вас нет неотложных или важных дел, кроме тех, которые вам назначили.

Слово берет Андрей Рудомаха, который рассказывает об итогах переговоров с чиновниками:

— Пока подход власти такой: все должны эту территорию покинуть.

— Нам все равно! — выкрикивает стоящий рядом мужчина. — Власть — это мы.

— Государству нужна какая-то форма [взаимодействия], — терпеливо продолжает Рудомаха. — Может быть, это лесная инспекция, вам выдадут удостоверения. Но им нужны ваши заявления, копия паспорта и информация об образовании.

— Зачем? Мы уже организованное общественное движение, — вступает в дискуссию Арсен Баташев.

— Для них вы никто.

— Я гражданин Российской Федерации и имею право тушить костер, если вижу, что он горит. Я имею право нарушать мелкие законы, чтобы предотвратить более крупные последствия, понимаете?

Сергей Пригарний громко перебивает:

— Мы будем оформляться юридически, но отсюда уходить не будем. Не будем! Не уйдут люди. Ни я, ни Арсен. Мы просто обманем тех, кто сутками не спал и тушил пожар.

По стоянке разносятся аплодисменты и одобрительный свист.

Дело

В тот же день, 1 сентября, Следственный комитет по Краснодарскому краю заводит уголовное дело о халатности (ч. 1.1 ст. 293 УК) на директора заповедника Олега Кондратьева. По версии следствия, он «допустил нахождение туристов на территории и нарушение правил пожарной безопасности». В результате чего «Российской Федерации был причинен особо крупный ущерб».

Нам удалось поговорить с **Олегом Козыревым**, заместителем директора по экологическому просвещению. В его кабинете висят портреты президента Владимира Путина, премьер-министр Михаила Мишустина и министра природных ресурсов Дмитрия Кобылкина.

— По-вашему, что стало причиной пожара?

— Конкретную причину пожара назовет следствие. Я могу только предполагать. Мое предположение — это неорганизованный турист на территории заказника, соответственно, неаккуратное обращение с огнем. Мне задавали вопрос, будто лес специально подожгли, чтобы построить там дома. Просто придите на эту территорию, и вы поймете, что там ничего построить невозможно.

— Мы правильно понимаем — точка возгорания находилась на территории заказника?

— Нет, вы неправильно понимаете. Мы не будем выискивать эту точку, потому что важен источник пожара, то, из-за чего он произошел. На территории заповедника нет неорганизованных туристов. У нас есть несколько маршрутов, куда допускаются туристы, но только с нашими сотрудниками. У нас находится центр экологического просвещения, где может находиться максимум 30 человек. В течение часа после пожара мы их всех эвакуировали и разместили в гостинице в Сукко. А заказник до сих пор не может всех эвакуировать. Почему на той территории такой бардак и бесконтрольность? Мы постоянно просили: давайте улучшим ситуацию, не могут туристы там быть. Может быть, многие из них великолепные люди, но два-три негодяя могут все испортить.

— В соцсетях распространяется информация, что заповедник продолжал продавать билеты, когда вовсю горел пожар. Там есть фотографии чеков. Время на них 13.08 и 13.12.

— В 14.08 мне пришло сообщение с видео пожара (*показывает на экран*). В 14.50 я дозвонился до министра природных ресурсов Краснодарского края Сергея Еремина. Мы с ним общались минут 20 по громкой связи. Он сразу же начал звонить и поднимать все структуры. Как я понял, он был не в курсе пожара. Как только я закончил, позвонил инспектору, который находится на пропускном посту, и дал команду: никого не пропускать, всех выпускать. Это было где-то в 15.20. Никаких билетов с тех пор не продавалось.

— Какие сейчас предъявлены претензии к директору заповедника?

— Обоснованных претензий мы не увидели. Нам обидно, что дело возбудили огульно, не разобравшись. Я вам уже доказал, что среагировали мы не поздно, добраться туда тоже нужно время. Понимаете, все очень странно происходит. Маленький заповедник федерального значения в большом регионе. Я думаю, региональным властям невыгодно брать вину на себя. Им проще спихнуть ее на этот маленький заповедник: пусть федералы сами разбираются. Когда наши сотрудники вышли на осмотр территории, с ними даже никто не стал разговаривать. После этого мы попросили Минприроды прислать независимую экспертизу, чтобы было правильно. Вы же смотрели фильм «Брат»? В чем наша сила? В правде. Я думаю, правда за нами.

* * *

В субботу на Утрише прошел спасительный дождь, потушивший последние тлеющие очаги. Но работы у волонтеров еще много: нужно убрать все стоянки и вывезти на катере мусор. Добровольцы не хотят покидать заказник. Они создали общественное движение и назвали его «Доброе утро» — так на Утрише приветствуют всех отдыхающих в любое время суток.

Елизавета КИРПАНОВА,
спец. корр. «Новой»
Фото **Виктории ОДИССОНОВОЙ,**
«Новая»
Анапа — Утриш

Сбор мусора волонтерами и «жителями» на территории Утриша

ВКОНТАКТЕ

НА УЧАСТОЧКАХ ВСЕ СПОКОЙНЕНЬКО

Выборы губернатора Ленобласти прошли скромно — почти без избирателей, но с хорошей явкой

В апреле по Гатчине беспрестанно колесили автомобили с громкоговорителями: гражданам объясняли, как надо вести себя во время карантина — сидеть по домам, носить маски и мыть руки. За лето от принудительного просвещения народ почти отвык, и вдруг 13 сентября машины с мегафонами снова появились на улицах. Люди прислушивались к внезапному шуму и отмахивались.

— Думала, что полезное скажут, а тут опять про выборы, — посетовала в разговоре с «Новой» Мария Андреевна, 82 года. — Да сходила я уже, проголосовала как надо, за Дрозденко, чего в матюгальник орать-то.

Мы разговариваем у входа на 345-й избирательный участок, расположенный в школе № 9 в Гатчине. Рядом на лавочке скучает женщина в форме Росгвардии. Она прислушивается к нам, но не вмешивается. На входе в участок стоит сотрудница полиции в бронежилете. Интересуюсь, были ли происшествия.

— Все спокойно. Народу нет, только пенсионеры и приходят. А какое от них беспокойство?

— А я вообще не ходила, — включается в беседу Наталья М., 22 года. — Бабушки уже всех выбрали, нам и голосовать не надо. Вот и довыбирались — пенсии мизерные, пенсионный возраст повысили.

— Да! Путина поддерживаю, потому что не хочу как в 90-е! — заводится Мария Андреевна. — Когда пенсию по полгода не получала! Не знаешь ты, как тогда трудно жить было!

— Не хотите как в 90-е, будете жить как в 30-е, — пожимает плечами Наталья. — Вам бы лишь сильная рука была, а что эта рука творит, без разницы. Вот когда вашего внука в тюрьму посадят, наркотики подбросив, по-другому запоете.

— А почему сами не голосовали? — спрашиваю Наталью.

— Не вижу смысла, — опять пожимает плечами девушка. — Явку нам бабушки обеспечат, а голоса никто считать не будет.

Во время референдума по Конституции наиболее активным в Гатчине был микрорайон Аэродром. На нынешних выборах и там тишина. Такая же тишина и в микрорайоне Мариенбург. Стоит сказать, что в этом районе компактно проживают цыгане, которые обычно голосуют массово. Но не в этот раз.

— Зачем я пойду голосовать за тех, кого ни разу не видела? — недоумевает Светлана, 57 лет. — Раньше хоть приезжали, что-то говорили, мы на них смотрели. Кто понравился, за того и голосовали. А теперь только бумажки раздают, которые непонятно кто пишет. Ты приди, покажи себя, мы на тебя посмотрим, а потом уже и решим: голосовать или нет.

В ста метрах от школы № 2 муниципальная поликлиника. Анна С. работает там фармацевтом. На вопрос, ходила ли голосовать, отвечает четко:

— Нас еще вчера на участки отправили, в принудительном порядке. Заведующей из администрации позвонили, а она нас напрягла. За кого голосовать, не говорили, мол, сами выбирайте. Но на избирательный участок сходить должны. А из кого там выбирать-то? При Дрозденко хоть детские садики строить стали. Да в школах питание для детей организовали. Ну и вообще, вроде как спокойно в области. Так что от добра добра не ищут, за него и проголосовала.

Возле школы № 5 на улице Генерала Кныша встретил нескольких молодых людей. Интересуюсь: голосовали?

— А чего, сегодня выборы, что ли? А кого выбирают?

За неделю до дня голосования Гатчина была облеплена плакатами о выборах губернатора, а за три дня до голосования на подъездах появились объявления о досрочном голосовании, не заметить которые было невозможно. Оказалось, возможно.

Узнав, что происходит какая-то движуха, парни быстренько допили пиво и побежали по домам за паспортами.

Максим ЛЕОНОВ

ПОХОД БОЛОНОК К УРНАМ

Для тех, кто забыл или не заметил: вчера у нас состоялось очередное голосование

Дмитрий ТРАВИН,
научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге

Выборами, правда, это вбрасывание бумажек в урну уже не является. Было время, когда даже подобные «недовыборы» вызывали в обществе интерес. Однако вчера никакого интереса обнаружить не удалось. И это неудивительно. Беда в том, что нынешнее голосование никому в общем-то не нужно.

Во-первых, голосование уже не может быть использовано для легитимации путинского режима, а потому оно не слишком интересно для властей. Масштабы манипулирования избирателями становятся столь значительными, что это уже воспринимается не манипулированием, а откровенной имитацией. Примерно как в популярном во время белорусских протестов анекдоте. Идет мужик по улице, милиция его хватает и начинает лупить. Он кричит: «Не бейте, я за Лукашенко голосовал». А ему отвечают: «Не ври. Никто за него не голосовал». В итоге Лукашенко уже сегодня держится лишь на голом насилии, а Путин в таком положении окажется завтра. Мнение народа теперь не так уж важно, а нужных бумажек всегда в урну накидают, для того чтобы соблюсти формальности.

Во-вторых, подобное голосование в отличие от реальных выборов не может быть использовано оппозицией для смены власти, а потому интерес к походу на избирательные участки теряют и те, кто выступает против путинского режима. Как говорили в советские годы: голосуй — не голосуй, все равно получишь «Единую Россию» или в крайнем случае КПРФ или ЛДПР. Даже недавние сторонники «умного голосования» сегодня теряют к нему интерес. Ведь идеология «умного голосования» основывается на том, что капля точит камень. Но подобная идеология медленного разрушения режима подходит лишь для небольшого числа людей, полагающих, что нельзя в день выборов сидеть на диване и следует делать любое, даже самое безнадежное дело. Большинство же хочет результатов здесь и сейчас. «Умное голосование» слишком мало дает здесь и сейчас, чтобы удержать интерес хоть сколько-нибудь широких масс.

В-третьих, голосование перестает быть интересно для тех, кого к этому процессу привлекает динамика политической борьбы. Трудно найти сегодня что-либо более скучное, чем поход на избирательный участок. Никто ни с кем не борется, никто ничего нового не обещает, никто не задает интригу, никто не говорит, будто судьба страны решается именно в этот день. Убеждать людей участвовать в подобном голосовании — все равно что любителей английской премьер-лиги вытаскивать на футбольный матч дворовых команд да к тому же еще с подкупленным судьей. Лучше «посмотреть в записи» выборы тридцатилетней давности, чем вживую участвовать в нынешней тягомотине. Конечно, когда дело дойдет до «выборов Путина» в 2024 году, нам станет повеселее. Не то что конкуренция появится, но хотя бы тележурналисты лениво сварганят какое-нибудь шоу под названием «Отечество в опасности!» или «ЦРУ против Путина!». Однако даже такая движуха, скорее всего, уже не повысит качественно интерес избирателя к личному вбрасыванию бумажек в урну.

В-четвертых, голосование неудачно устроено даже для пожилых людей, которым совсем скучно и для которых возможность вбросить бумажку является порой важнейшим событием года и ритуалом, напоминающим об их молодости. Для значительной части такого электората еще не завершился дачный сезон. Собирать с полей урожай важнее, чем сеять в урну бюллетени. Более того, именно этот пожилой электорат находится в зоне риска из-за коронавируса. Поскольку эпидемия опять идет на подъем, люди стараются избегать ненужной опасности. А поход на избирательный участок и даже раннее возвращение в переполненный людьми город с уединенной дачи точно является лишним риском.

Помимо избирателей, голосование не нужно практически никому из тех, кто профессионально следит за политическими процессами.

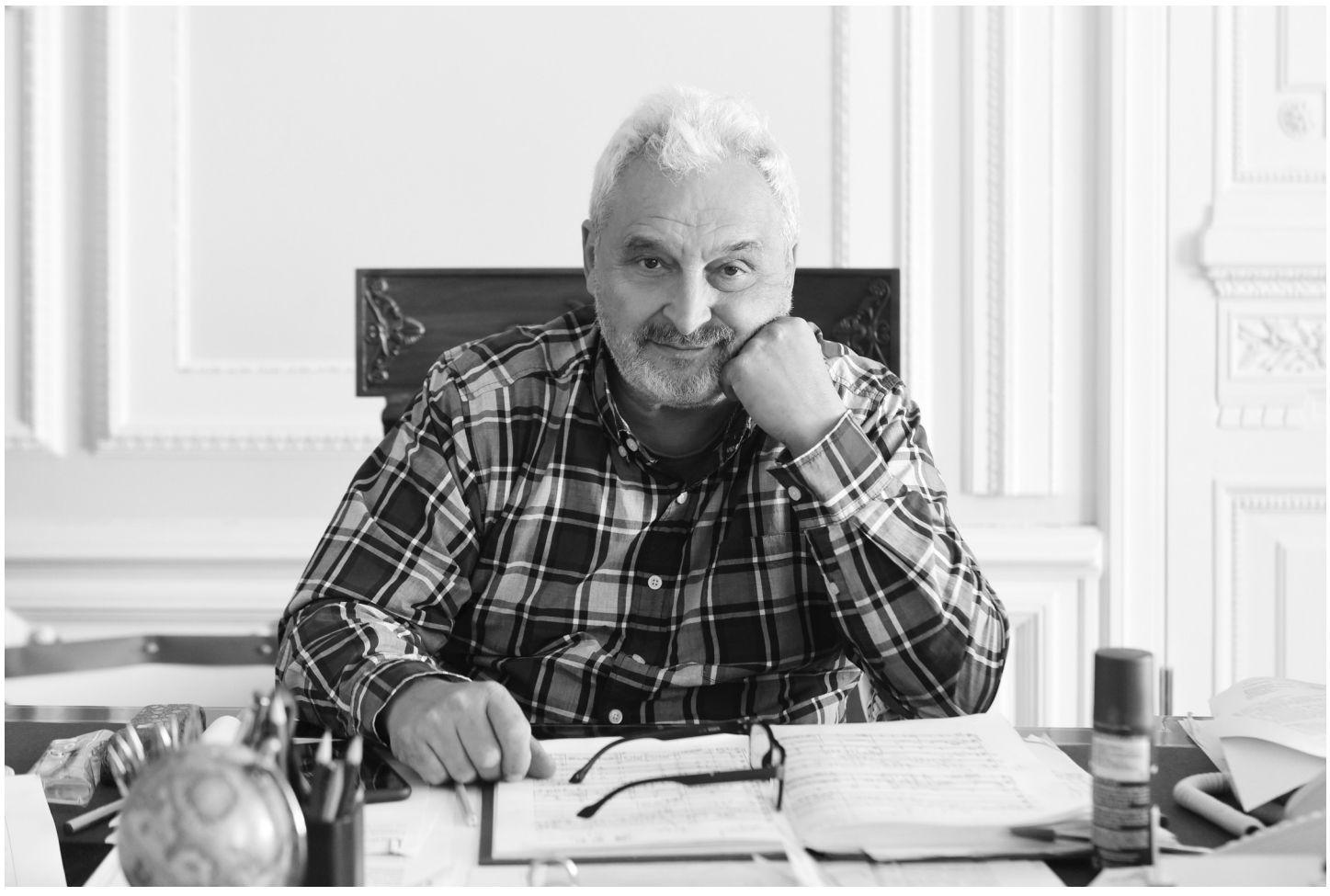
Голосование не нужно журналистам, поскольку они должны подавать новости, а кидание бумажек с заранее известным результатом новостью не является.

Голосование не нужно социологам, поскольку оно ничего уже не говорит о тех, кто голосует, а лишь о тех, кто считает.

Голосование не нужно политологам, поскольку их, конечно, интересуют те, кто считает, но о них узнаешь, анализируя борьбу бульдогов под кремлевским ковром, а не поход болонок на поводке к урнам.

Голосование не нужно и экономистам, поскольку предположение, будто его результаты могут как-то повлиять на экономическую политику, вызывает лишь смех.

Голосование нельзя отменить. Нынешние автократии так не поступают. Поэтому оно будет сопровождать нас до тех пор, пока режим не рухнет. И потом на его развалинах придется весь институт выборов выстраивать заново.



НА НАШЕМ «КРЫМЕ»

Режиссер Юрий Александров — о том, легко ли быть патриотом, о пустых глазах чиновников и о том, как его театр выживает в эпоху ковида

У петербургских любителей музыки театр «Санктъ-Петербургъ Опера» давно на особом счету. Посещение особняка фон Дервиза на Галерной улице — само по себе эстетический аттракцион. Здесь можно услышать оперные раритеты, даже аудиозаписей которых в сети не сыскать. Возглавляет камерный авторский театр Юрий Александров — тот самый, что поставил в 2014 году спектакль «Крым».

— Юрий Исаакович, для камерных театров, каким является «Санктъ-Петербургъ Опера», карантин стал особым испытанием: маленькая сцена, небольшой зал, неизбежное падение доходов. А ваши спектакли, как правило, еще и очень дорого оформлены. Как вы выживаете?

— Из всего нужно извлекать позитив. Ковид дал возможность остановиться, оценить и позитивные, и негативные тенденции, которые всегда есть в живом коллективе. 2 июля мы вернулись к работе. В графике стояли спектакли, но мы их играли без публики — в костюмах, со светом, в декорациях, только без грима. И два месяца так жили. Мы обновили почти все спектакли, ввели много молодежи. Я очень волновался. Потому что леность заложена в русском характере — лежать на печи, а щука решит все твои проблемы. А в опере так не бывает. Надо поймать сто щук, и хорошо, если хоть одна заговорит по-человечески. Мне как режиссеру эпидемия позволила спокойно подготовиться к постановке нескольких опер. Одна из них — «Электра» Рихарда Штрауса, неожиданный материал на нашей сцене, мы никогда не пели немецкую экспрессивную музыку. Потом «Русская тетрадь» Гаврилина — мы ее планировали поставить в этом году, но все сместилось. До нового года мне нужно выпустить три оперы в других театрах. В московской «Новой опере», пойдет «Кармен».

— Думаете, «Кармен» может удивить москвичей?

— Я всегда говорю молодым коллегам — если у вас нет яркого решения, концептуального — сделайте умный спектакль. Чтобы люди не чувствовали себя в дураках. Если рядом с вами художник-единомышленник, который оденет спектакль в добротные театральные одежды, это уже большой результат. Я, например, долго избегал «Травиаты». Придя еще в Кировский театр, я впервые столкнулся с этой оперой и возненавидел ее. Передо мной был бессмысленный костюмированный полуконцерт, и мне казалась, что это просто кондовая опера. Прошли годы, и я понял, что «Травиата» гениальна. Просто она была засалена равнодушными руками. И у нас родился очень нетривиальный спектакль.

Сегодня поставить историческую оперу дороже и сложнее, чем оперу из секонд-хенда, как мы это называем. Этот минималистский общеевропейский стиль — скажем, смокинги и чемоданы с долларами — тут можно петь и «Дон Жуана», и «Золото Рейна», да что угодно. Эдакий спектакль-унисекс. Это придумали не режиссеры, а интенданты и директора, потому что можно из секонд-хенда одеть весь спектакль в цену одного исторического костюма! Но не надо при этом надувать щеки и говорить: современно! Тряпки и аксессуары никогда не делают спектакль современным, а извратить его идею могут вполне. Одна уважаемая критикесса как-то сказала: «Слушайте, в Мариинском театре поставили «Бориса Годунова». Вы должны посмотреть!» И я пошел: строительные рабочие, генералы в папахах, проститутки, Годунов в костюме-тройке и шапке Мономаха — весь джентльменский набор. На мой вопрос, что же я должен понять, мне ответили: «Ну это же Путин! У него часы на правой руке!»

справка

Юрий Александров — оперный режиссер, народный артист России. Многократный лауреат российской национальной театральной премии «Золотая маска» и высшей театральной премии Санкт-Петербурга «Золотой софит». В 1987 году основал камерный театр «Санктъ-Петербургъ Опера». Поставил более 250 спектаклей в Мариинском и Большом театрах, в Метрополитен-опере, Ла Скала, на Арена ди Верона и еще во многих театрах.

— Зато такая образность экономна. Меньше расходов — больше касса.

— У нас в зале из-за требований Роспотребнадзора будет не 170, а 85 человек. И мы до последнего не будем поднимать цены на билеты. Наш театр держит нишу общедоступного. Наша публика, как раньше говорили, итээровская, люди, мягко говоря, среднего достатка. За тридцать лет они к нам привыкли, они нам преданы, и мы отвечаем им тем же. Потом, наш театр никогда не жировал. Нам всегда выдавали по копеечке. Этот особняк мы, государственное учреждение, ремонтируем третий десяток лет. Я был вынужден уйти из Мариинского театра, где проработал 27 лет, чтобы стать директором и перекрыть все возможные каналы хищений. Ремонт для лихоимцев — самое милое дело.

У нас тоже есть спектакли с небольшим бюджетом. Например, при поддержке президентских грантов были поставлены несколько опер, среди которых «Не только любовь» Щедрина. Декорации замечательные — пять балок и видео. Но театр получил за него массу наград, а сам Щедрин и Плисецкая сказали, что это лучшая постановка и они были счастливы, что мы вернули это произведение в общероссийский репертуар. Такие вещи с холодным носом делать нельзя. Мы часто рискуем и берем сочинения с подмоченной репутацией. «Октябрь» Вано Мурадели. Говорят, написано к съезду. Ну и что. А я считаю, что это выдающийся композитор. Мурадели просто остался в тени Хачатуряна. А на самом деле — мелодист, потрясающий оркестровщик.

НЕ ОТТОПТАЛСЯ ТОЛЬКО ЛЕНИВЫЙ

— Если говорить про подмоченную репутацию, то тут вам сразу припомнят наделавший шуму «Крым». Не жалеете, что поставили?

— На «Крыме» не оттоптался только ленивый, а публика, между прочим, плакала в зале. Мы — как театр сегодняшнего времени. Несмотря на декоративный внешний вид, мы не золотая клетка и обязаны реагировать на то, что происходит вокруг. Когда тема Крыма зазвучала, я понял, что мы должны обязательно откликнуться! Нисколько не жалею, что поставил его. Ведь наш театр еще и человеческая школа. Сейчас понятие патриотизма пытаются скомпрометировать. Но я патриот. И после «Крыма» я поставил «Молодую гвардию» Юлия Мейтуса, потому что замечательная музыка. Я воспитан как классический музыкант. Если для меня музыка неинтересна, никто меня не заставит ставить это сочинение. Для артистов «Гвардия» стала уникальной возможностью сыграть не отвлеченных графьев и маркизов, а своих сверстников, мальчишек и девчонок, которые ради идеи жертвовали жизнью.

— Значит ли это, что вы готовы поставить оперу про сегодняшние события в Беларуси?

— Эта страна мне не чужая. Именно там я начинал свой творческий путь. Это было золотое время расцвета искусств в республике при министре культуры Юрии Михневиче. И я понимаю жителей, вышедших на улицы. Считаю, что для России будет большой ошибкой и в дальнейшем доверять Лукашенко, считая его своим. Никакой он не свой!

— То, что вы поддерживаете государственную политику, не сделало вас нерукопожатным? У вас много зарубежных партнеров, которых при слове Крым передергивает.

— Так случилось, что в составе делегации я оказался в Сыктывкаре на открытии нового здания театра оперы и балета. Мы сидели за одним столом с Мединским и Медведевым и обсуждали происходящее. Я встал и сказал: у нас премьера спектакля «Крым», которую мы готовим с большим энтузиазмом. Раздал программки — мертвые глаза. И у Мединского, и у Медведева. Как будто я сказал, что хочу поставить «Снегурочку». Я рассчитывал на какую-то реакцию. В Петербурге мне говорили доброжелатели в кулуарах — не надо, Юрий Исаакович, у вас такой успешный театр! Чего вы лезете в политику? Я не в политику лезу, я просто не могу не высказаться. Я считаю, что Крым был, есть и будет нашим, российским. Так же, как и Одесса. Но в общем итоге — никакого резонанса. На премьеру были приглашены люди из Москвы. Никто не приехал. Можно подумать, что все театры их завалили этой тематикой. Абсолютное равнодушие. Белые вареные глаза.

Зато отреагировала публика. На премьеру «Крыма» пришел огромный мужик в вышиванке и с чубом! Я напугался и на всякий случай вызвал охрану. Судя по его виду, он был готов устроить скандал, но, видя общий настрой в зале, тихо ушел.

Если говорить о рукопожатности за границей — мы не боимся гастролировать в сложных регионах — Таллине, Риге, Варшаве. Иногда у театра стояли пикеты. «Отдайте Крым!» А кончалось все продолжительными аплодисментами. Зал стоял, и публика не уходила. Сейчас мы опять готовим гастроли в Польше, Эстонии, Венгрии, Сербии. Это необходимо — сегодняшняя традиционная дипломатия в тупике. А народная — очень важна. Это тоже миссия нашего театра.

— А молодежь, ученики не разбегаются от ваших «крымских» экспериментов?

— После триптиха «Крым» — «Молодая гвардия» — «Октябрь ..17» наш коллектив только вырос. Когда я затевал театр, я хотел создать коллектив с особой атмосферой — без зазнайства, без звездных болезней, без халтуры! Поэтому неудивительно, что наши артисты востребованы на ведущих площадках — от Мариинки и Большого до Метрополитен-оперы и Ковент-Гардена. Иногда слышу — вам не жалко отпускать своих артистов в другие театры? Конечно, вопрос болезненный. Но в этом и отличие «Санктъ-Петербургъ Оперы», ибо на смену придут ребята еще лучше, в театр вольется новая кровь.

Это факт — Россия обладает огромным вокальным и артистическим потенциалом. Другое дело, что плохо учат. Вообще, Петербургская консерватория — отдельный разговор. То, что в ней происходит, — катастрофа. Раньше она была лидером. Сейчас это провинциальная заброшенная история. Ушли личности, которые держали высочайший уровень. А консерватория погрузилась в бесконечный ремонт, на котором можно погреть ручки. И сейчас мы сильно отстаем от Москвы. Я полтора года возглавлял режиссерский факультет, и мне не удалось переломить равнодушие, которое царит в консерватории. Но равнодушие — это вообще тот фактор, который погубит оперу. Раньше была реакция на любую постановку. Теперь, если театр не умеет организовать критику, все падает в Лету без единого всплеска.

Когда я приезжаю в какой-то город за границей, меня окружает масса людей, сидят студенты, которые смотрят репетиции, критики и сопровождают меня целый месяц. Здесь я репетирую сложнейший спектакль. Оповестил режиссерский факультет — ко мне не пришел ни один студент. Студенты консерватории не ходят в филармонию. Мы в свое время пробирались через крышу, через женский туалет попадали в Большой зал филармонии, когда выступали Исаак Стерн, Артур Рубинштейн, Святослав Рихтер. Сейчас ничего подобного. Нынешние студенты уткнулись в компьютер! Изменилось все: время, место, смысл. Все упростилось до циничности, когда качество можно подменить скандалом. Если не будет хороших оперных спектаклей, через двадцать лет у нас не будет публики. В опере своя демографическая яма — лихие девяностые, когда не играли детского репертуара и выживали за счет пошлятины и обнаженки. Сейчас к нам приходят папы и мамы с детьми, и по их открытым ртам и детским реакциям вижу, что они первый раз в опере.

— К слову, в ваших постановках тоже немало моментов, связанных с эротикой, а то и сексом.

— Кто-то написал, что у Александрова в спектакле обязательно должна быть постельная сцена. Постель — это сложный и волнующий процесс. Иногда связан с романтикой и красотой тела, иногда с насилием и жестокостью, а иногда с комической ситуацией. Это кульминация отношений мужчины и женщины. Партитура оперы «Электра» очень сложная. Рихард Штраус взялся за сочинение, потому что был потрясен текстом Гофмансталя. В опере есть длинноты — много рассуждений и повествования. Сегодняшней публике это трудно воспринимать, поэтому надо искать второй, третий, четвертый план, который удержит ее внимание. Поэтому в спектакле параллельно сцене Ореста и Электры, готовящих убийство матери, идет чистая и невинная роденовская сцена прикосновений к девушке, готовой отдаться первому встречному пастуху, потому что она хочет детей! И только зритель определит, чего больше в этой сцене: эротики, горечи или боли.

> «МЫ ЧАСТО РИСКУЕМ И БЕРЕМ СОЧИНЕНИЯ С ПОДМОЧЕННОЙ РЕПУТАЦИЕЙ. «ОКТЯБРЬ» ВАНО МУРАДЕЛИ, ГОВОРЯТ, НАПИСАНО К СЪЕЗДУ. НУ И ЧТО. А Я СЧИТАЮ, ЧТО ЭТО ВЫДАЮЩИЙСЯ КОМПОЗИТОР

Евгений ХАКНАЗАРОВ,
фото Андрея Бессонова

На фото — репетиция оперы «Эсмеральда»

Дмитрий БЫКОВ

ВЛАДИМИРСКОЕ

Нельзя эту тройку угрюмую сдвигать ни вперед, ни назад: убрать одного — и подумают, что место расчистить хотят!

Союз архитекторов России начал собирать предложения о новом использовании Мавзолея Ленина. Как следует из документов конкурса, речь идет об использовании архитектурного сооружения без тела советского вождя Владимира Ленина. Итоги планируют подвести в середине ноября. Организаторы считают, что присутствие тела Ленина на Красной площади противоречит современным представлениям о памяти и является нарушением русской православной традиции. По мнению Союза архитекторов, Мавзолей стоит сделать филиалом Государственного музея архитектуры имени Щусева.

(Из новостей)

С чего начинается Родина?
С Велесовых бычьих рогов,
Иль бога варяжского Одина,
Иль старых славянских богов?
С моченой орловской антоновки,
С ядреной кирзовой крупы,
Со старой отцовской буденновки
И дедовской древней кипы?

Напрасно вы штампы полощете,
Фанаты платков и матрех.
Она начинается с площади,
Собравшей Владимиров трех.
Покуда Россия не вымерла,
На радость тупых навальнят,
Лишь три неизменных Владимира
Спасают ее и хранят.

Один там стоит замороженно,
С лица неизменно сердит,
Другой там лежит, как положено,
А третий за стенкой сидит.

Оставьте сомнения подлые
(Глумление, скажем ясней) —
Все трое с колен ее подняли,
Но разное сделали с ней.

Владимир-один (из заглавия
Понятно, что главный герой)
В крестильную воду загнал ее,
И к стенке поставил второй.
А третий и ныне куражится,
Сплетенный из питерских жил:
С колен-то поднял ее, кажется,
Но тут же плашмя положил.

Из мест этих мрачных и маятных
Всей тройке нельзя отбрести:
Один — потому что он памятник:
Поставили — стой и крести.
Другой — потому что он мумия
И вот уже век не встает,
А третьему благоразумие
Разжать ничего не дает.

Российское время хвостатое
Не может быстрее ползти:
Не очень хорошая статуя
И мумия тож не ахти,

Не будем покуда про третьего,
Он явно не прост и не туп,
Однако Россия, не встреть его,
Была бы не столп и не труп.

Нельзя эту тройку угрюмую
Сдвигать ни вперед, ни назад:
Убрать одного — и подумают,
Что место расчистить хотят!
Заветные ниши проклятые
Нельзя уступать, хоть убей:
Готовят ли место для статуи?
Готовят ему мавзолей?!

Не выдумать горшего вымысла
Тебе, о российский поэт.
Отечество многое вынесло,
Но этих не вынесет, нет.
Не стоит надежд выцыганивать,
Уставясь в родной окоем:
Они нас покинут когда-нибудь,
Но, думаю, только втроем.

Редакторы номера:
Р. Дубов, А. Полухин

www.novayagazeta.spb.ru www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете:
NovayaGazeta.Ru

Новая газета

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)
Сергей КОЖЕУРОВ (директор)

Редакционная коллегия и руководители направлений:
Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Павел ГУТИОНТОВ (истфак «Новой»),
Александра ДЖОРДЖЕВИЧ (отдел расследований),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Андрей ЗАЯКИН (дата-отдел),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА(обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (зам главного редактора),
Юлия МИНЕЕВА (редактор службы новостей),
Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба),
Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОСТ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора)

Обозреватели и специальные корреспонденты:
Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН,
Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ,
Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС,
Ирина ГОРДИЕНКО, Елена ДЬЯКОВА,
Вячеслав ИЗМАЙЛОВ,
Павел КАНЫГИН, Денис КОРОТКОВ,
Елена КОСТЮЧЕНКО, Алиса КУСТИКОВА,
Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МИЛАШИНА,
Владимир МОЗГОВОЙ,
Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН,
Леонид НИКИТИНСКИЙ,
Ирина ПЕТРОВСКАЯ,
Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
Вячеслав ПОЛОВИНКО, Юлия ПОЛУХИНА,
Елена РАЧЕВА, Ким СМИРНОВ,
Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА,
Марина ТОКАРЕВА, Ирина ТУМАКОВА,
Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР,
Арнольд ХАЧАТУРОВ,
Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА,
Ян ШЕНКМАН

Отдел мультимедиа «Новая студия»:
Анна АРТЕМЬЕВА,
Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА

Собственные корреспонденты:
Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ(Мурманск),
Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной Европы), **Иван ЖИЛИН** (Урал),
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург),
Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА(Санкт-Петербург),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Ирина ХАЛИП (Минск),

Группа выпуска:
Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ,
Татьяна ПЛОТНИКОВА (бильд-редакторы),
Диана ГРИГОРЬЕВА, Оксана МИСИРОВА,
Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО
(технические редакторы)

WEB-редакция:
Екатерина БАТАЛОВА,
Антон ВШИВЦЕВ, Мария ЕФИМОВА,
Юлия МИНЕЕВА (заместитель шеф-редактора),
Глеб ЛИМАНСКИЙ,
Александра НОВИКОВА,
Анастасия ТОРОП

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН
(генеральный директор ЗАО «ИД «Новая газета»),
Владимир ГРИБКОВ
(заместитель генерального директора),
Владимир ВАНЯЙКИН
(управление делами),
Ирина ДРАНКОВА,
Елена СЕДОВА
(бухгалтерия),
Наталия ЗЫКОВА
(персонал),
Анжелика ПОЛЯКОВА
(реклама),
Ярослав КОЖЕУРОВ,
Галина КАРАЛАШ,
Екатерина СЕДОВА
(юридическая служба),
Валерий ШИРЯЕВ
(заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-Пб»**
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: **Д. Л. КАЧАЛОВА**

Адрес редакции и издателя:199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:
ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — **222 250 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **21 800 000** просмотров за август 2020 г.

Тираж одного номера в СПб — **2460 экз.**

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2020 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Срок подписания в печать по графику: 19.30, 12.09.2020 г.
Номер подписан: 19.30, 12.09.2020 г. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00. 13.09.2020. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».